

СЕРГЕЙ
ЛУКЬЯНЕНКО

ПРЕДЕЛ

ПРОДОЛЖЕНИЕ
РОМАНА

ПОРОГ

Космос Сергея Лукьяненко

Сергей Лукьяненко

Предел

«Издательство АСТ»

2021

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Лукьяненко С.

Предел / С. Лукьяненко — «Издательство АСТ»,
2021 — (Космос Сергея Лукьяненко)

ISBN 978-5-17-123305-1

Вырвавшись из альтернативной реальности, исследовательский звездолет «Твен» пытается предотвратить гибель обитаемой планеты. Но ставки куда выше – в опасности все обитаемые миры. И первый из них – мир загадочной цивилизации Ракс... Продолжение романа «Порог» – космический эпос Сергея Лукьяненко! Больше интересных фактов об этой книге читайте в ЛитРес: Журнале

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-123305-1

© Лукьяненко С., 2021
© Издательство АСТ, 2021

Содержание

От автора	6
Часть первая	11
Глава первая	12
Глава вторая	27
Глава третья	39
Глава четвертая	48
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Сергей Лукьяненко

Предел

© С. Лукьяненко, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

От автора

Писатель, рассказывающий о нашем мире, как правило, обходится словами, существующими в нашем языке. Писатель, который рассказывает о других мирах или будущем, неизбежно сталкивается с проблемой – как назвать то, чему нет точного аналога?

Поскольку в этой книге действие происходит в будущем и в нескольких мирах, я был вынужден адаптировать большую часть незнакомых терминов, приведя их к знакомому виду. Однако надо учитывать, что отличия имеются практически всегда. Ряд терминов вообще пришлось оставить в грубой транскрипции – меры длины на Неваре не имеют точных аналогов среди земных языков, и автор счел нужным сохранить их в первоизданном виде. В то же время основные меры расстояния Соргоса крайне близки к человеческим (98 сантиметров и 1011 метров), поэтому автор решил использовать термины «метр» и «километр».

Вот примеры нескольких слов и терминов для любознательного читателя:

Земля

1. Книга, книжка – практически всегда имеется в виду электронная книга, выглядящая как прямоугольный лист мягкой ткани. При включении книга обретает твердость и становится похожей на лист плотного картона со сменяющимся изображением. В книге может быть записано огромное количество текстовой информации, но, в отличие от планшета, она не предназначена для показа видео, игровой или сетевой активности. Любопытная деталь – книга, разрезанная на несколько частей, превращается в несколько книг, каждая из которых полностью функциональна. Поэтому фразы «дай почитать», «поделишься книжкой», как правило, означают просьбу разорвать или разрезать книгу на части. Если речь идет о бумажной книге, которая является в большей мере предметом искусства и коллекционирования, то всегда уточняется: «бумажная книга».

2. Внешний английский – основной язык международного общения, официальный язык Космофлота. Базируется на классическом английском языке с сильно упрощенной грамматикой и значительными заимствованиями из других языков, в первую очередь китайского, испанского и русского. Считается деловым и техническим, писатели и поэты для творчества, как правило, используют национальные языки. Большей частью персонажи общаются именно на внешнем английском; в тех случаях, когда они переходят на другие языки и это нужно для понимания ситуации или по соображениям приличия, их речь дается в оригинале.

3. Аудио-ксено – язык звукового общения, разработанный Ракс и принятый как стандарт для цивилизаций Соглашения, наряду с графити-ксено (письменная речь) и код-ксено (языком программирования и обмена машинной информацией). Обязателен для всех офицеров Космофлота. Очень прост по структуре и удобен для произношения всеми разумными видами. Еще хуже приспособлен к передаче «избыточной информации», то есть художественных текстов, хотя отдельные энтузиасты разных видов предпринимают попытки адаптировать его для творчества.

4. Космофлот. Несмотря на совершенно явное происхождение от ВВС, ВМФ и прочих армейских структур различных стран, Космофлот не является в полной мере военной организацией, его офицеры представляют собой нечто среднее между офицерами ВМФ и моряками современного торгового флота. Связано это в первую очередь с тем, что существующие доктрины Соглашения вообще не предусматривают сколько-нибудь масштабных военных действий. Единственным членом экипажа, максимально приближенным к понятию «военного»,

можно назвать офицера специальных (то есть боевых) систем корабля. Впрочем, военную подготовку все офицеры проходят в полной мере. Как дань традиции. И на всякий случай.

5. Шеврон. В земном Космофлоте принято обозначение должности и звания посредством наруканных шевронов (по образцу Советской армии времен Великой Отечественной войны или американской армии XX века). Цвет шеврона определяет, является ли офицер штабным, допущенным к полетам, находящимся в резерве и т. д. Число полосок на шевроне определяет звание, их цвет – выслугу лет и особые заслуги. Погоны используются лишь в парадной форме.

Соргос

6. Семья. Семья на Соргосе отличается от земной. Как правило, это не брачное партнерство мужской и женской особей. В семье могут быть от двух особей до нескольких десятков, сексуальные отношения в семье также могут принимать разные формы – моногамные, полигамные, групповые. Возможны семьи, в которых секс внутри семьи вообще не практикуется, хотя это достаточно редкий случай. По сути, семьей называется группа особей, ведущих общее хозяйство и связанных той или иной целью, секс вторичен. Выделяют следующие группы семей: Младшая, или родительская, в которой особь растет; Средняя, или подростковая, молодежная, куда, как правило, уходит повзрослевший ребенок. Старшая, или материнская, которую создают для рождения собственных детей и совместного хозяйствования. Разумеется, что для одного – родительская семья, то для другого – материнская... Изредка возникают Почтенные, или старческие, семьи, куда уходят самые старые или одинокие особи. Впрочем, кризис традиционной семьи коснулся и Соргоса: многие особи вообще не создают семей или пропускают какой-либо этап.

7. «Жгучий клещ» – редкое, но встречающееся на Соргосе повсеместно насекомое-паразит. Особенностью клеща является локализация на слизистом эпителии гениталий и выделяемый им токсин, вызывающий многочисленные оргазмы. По этой причине «жгучий клещ» иногда втайне используется в качестве источника постыдного сексуального удовлетворения, а само его название табуировано и является грязным ругательством.

8. «Материнская кукла-вкладка», или просто «кукла-вкладка» – традиционная детская игрушка, напоминающая русскую матрешку и погремушку одновременно. Состоит из восьми слоев – расписанных вручную шаров, в отличие от матрешки на резьбе. Внутренний – шарик-«яйцеклетка» и спермий, далее – эмбрион, детеныш, ребенок (различия между детенышем и ребенком малопонятны для человека, но в основном заключаются в отвердевании копыт), подросток, взрослый, старик и самая внешняя фигура – «хищник», изображающий стилизованного монстра и символизирующий смерть. Кукла-вкладка выполняет функцию погремушки, прорезывателя зубов и символизирует «бег жизни», философский и теологический термин, восходящий к древнейшим временам истории Соргоса.

Невар

9. Меры длины Невара отражают специфику дуальной цивилизации. Достаточно упомянуть, что «чи» (приблизительно полтора сантиметра) – это размер полового члена взрослого гуманоида, а «глан» (около восьмидесяти шести сантиметров) – средняя длина хвоста женской кошачьей особи.

10. «Тра» – термин кошачьих Невара, слово в «невероятном будущем времени», в современности используется для обозначения лишь двух вещей: 1) объекта любви, секс или брачный союз с которым исключен по причине физиологии, возраста, пола или иных обстоятельств непреодолимой силы. Любопытно, что употребляется лишь термин «тра-жена»; «тра-муж»

звучит, с точки зрения кошачьих Невара, очень смешно и нелепо; 2) неопределенно долгой и счастливой жизни, блаженства и покоя.

Феол

11. «Лучшая часть меня» – термин, которым гуманоидная особь Феол называет мозгового червя, с которым находится в симбиозе. Гуманоиды Феол практически лишены эмоций, но обладают развитым интеллектом. Червеобразный симбионт, эволюционно приспособленный для жизни в их организме, сам по себе практически не разумен, но дает эмоциональную составляющую общей личности. В принципе буквальное наименование симбионта должно переводиться как «совесть», но подобный перевод несколько запутал бы читателя.

Классификация разумных миров, принятая в Соглашении

1-й уровень – *цивилизация до-технического уровня.*

(**Примечание Феол** – «термин “до-технического” идентичен термину “до-селекционного”».)

2-й уровень – *цивилизация начального технического уровня, до преодоления притяжения материнской планеты и выхода в космос.*

(**Примечание Человечества** – «выходом в космос является достижение скорости убегающего применительно к материнской планете».)

3-й уровень – *цивилизация, вышедшая в космическое пространство и совершающая полеты в пределах своей звездной системы.*

(**Примечание Ауран** – «перемещение с поверхности планеты в космическое пространство посредством устройств типа “космический лифт”, “катапульта” или “пушка” также считается полетом».)

Примечание Феол – «перемещение с поверхности планеты в космическое пространство внутри природных или искусственно созданных живых организмов считается полетом».

Примечание Ракс – «полетом считается смена положения с поверхности планеты на положение вовне».)

4-й уровень – *цивилизация, имеющая постоянные и самодостаточные поселения вне материнской планеты, но в пределах своей звездной системы.*

(**Примечание Халл-3** – «самодостаточность поселения определяется решением его жителей, а не решением жителей материнского мира».)

Примечание Халл – «единая и неделимая цивилизация Халл оставляет за собой право выборочно толковать данный пункт».)

5-й уровень – *цивилизация, достигшая любой иной звездной системы.*

(**Примечание Ракс** – «под достижением иной звездной системы понимается как пилотируемая, так и непилотируемая экспедиция».)

Примечание Халл – «под экспедицией понимается перемещение из одной звездной системы в другую материальных тел, способных к передаче информации и (или) осуществлению какой-либо полезной работы».

Примечание Ауран – «иная звездная система должна находиться на расстоянии не менее трех с половиной световых месяцев от материнской звезды и на расстоянии, сводящем гравитационное взаимодействие звезд к ничтожно малым величинам».

Примечание Человечества – «достижение иной звездной системы неисправным зондом или кораблем с мертвым экипажем засчитывается, если причина гибели экспедиции не носила системного характера и может быть названа случайной».)

Миры, достигшие 5-го уровня, приглашаются к участию в Соглашении.

Контакты с цивилизациями первого – четвертого уровней строго ограничены.

Решение о контакте или вмешательстве, выходящем за границы научного и (или) локального, может быть принято только общим консенсусом цивилизаций Соглашения.

Каждая цивилизация Соглашения несет ответственность за цивилизации первого – четвертого уровней в своей зоне влияния.

Каждая цивилизация Соглашения вправе контролировать соблюдение правил иными цивилизациями Соглашения.

Халл

Ауран

Феол

Ракс

Человечество

Халл-3

Экипаж научного корабля «Твен»

Валентин Горчаков, человек, капитан второго ранга, 34 года. Командир корабля.

Матиас Хофмайстер, человек, капитан третьего ранга, 34 года. Старший помощник.

Анна Мегер, человек, 47 лет. Мастер-пилот.

Гюнтер Вальц, человек, 30 лет. Оператор специальных систем корабля.

Лев Соколовский, человек, 78 лет. Врач.

Теодор Сквэд, человек, кадет, 16 лет. Системный администратор, специалист по ИИ.

Алекс Йохансон, человек-плюс, кадет, 17 лет. Навигатор.

Лючия Д'Амико, человек, кадет, 17 лет. Специалист систем жизнеобеспечения.

Искин корабля «Твен»

Марк, квантовый компьютер 6-го поколения, Искусственный интеллект – искин, 70-й цикл ядра. Синтетическая личность.

Научная группа корабля «Твен»

Бэзил Годфри Николсон, человек, 48 лет. Доктор наук, специалист по дуальной цивилизации Невар.

Мэйли Ван, человек, 41 год. Профессор, доктор наук, специалист по фелиноидам системы Невар.

Ксения. Ракс. 0 лет. Третья-вовне. Наблюдатель.

Уолр. Халл-3. 71 год. Специалист по гуманоидным формам жизни.

Гость корабля «Твен»

Двести шесть – пять / Толла. Феол. 82 года / 6 лет. Созерцатель агрессии из неправильной реальности.

Корабль Стирателей

Данных нет.

Станция наблюдения Невар в правильной реальности

Прима. Ракс. 12 лет. Первая-вовне. Наблюдатель.

Система Невар, планета Кехгар (Земля), или Желанная в неправильной реальности

Анге. Гуманоид. 27 лет. Инженер. Офицер третьей ступени Небесной Стражи поста 109–74.

«Дружба» – первый межзвездный корабль дуальной цивилизации Невар

Криди. Кот. 36 лет. Инженер. Начальник инженерной группы.

Анге. Гуманоид. 27 лет. Инженер. Тра-жена (брачный партнер, полноценный союз с которым невозможен) Криди.

Норти. Капитан от кис. 57 лет.

Лерии. Капитан от гуманоидов. 48 лет.

Казвар. Гуманоид. 51 год. Геолог.

Система Соргос, планета Соргос

Ян. Черный. 33 года. Инженер, военнослужащий, учитель.

Адиан. Черная. 31 год. Социолог, экономический и политический аналитик.

Сарк. Черный. 42 года. Старший лейтенант ракетных войск.

Рыж. Рыжий. 16 лет. Подросток.

Лан. Черная. 16 лет. Подросток.

Часть первая

Глава первая

Вначале Анге почувствовала боль в горле. Потом заболело все и сразу. Голова кружилась, неслась куда-то, как отпущенный по ветру воздушный шарик, но одновременно была тяжелой, как свинец. Тело ныло, словно ее долго и небрежно волочили по земле. А еще у нее было гадкое ощущение, что она обмочилась – комбинезон в паху был влажным и липким.

Что с ней?

Она открыла глаза – с трудом. Полутьма, низкий металлический потолок, рядом жесткие ложементы кресел... она полулежала-полусидела в таком же, пристегнутая ремнями безопасности. Анге пошевелила пальцами на руке. Бережно повернула голову.

Ну да. Она в космическом корабле. В первом звездолете Невара – «Дружбе». Точнее, она в одном из его посадочных катеров... и катер в свободном полете... она в невесомости...

А впереди, в кресле пилота, развернутом в положение «для кис» – Криди. Лучший инженер, которого она знала – что среди «детей солнца», что среди кис. Ее лучший, да и вообще единственный друг на корабле. Ее муж, пусть и по символическому обряду.

Диверсант!

Заложивший взрывчатку в один из катеров!

Пытавшийся ее задушить!

Анге осторожно дотянулась до кнопки блокировки ремня. Нажала.

Ремни не ослабли.

– Не отстегивайся, – резко сказал Криди не поворачиваясь. Его спина напряглась, хвост дернулся. В пилотажном кресле он лежал на животе, вытянув к пульту передние лапы.

– Зачем, Криди? – хрипло спросила Анге.

– Через минуту мы входим в атмосферу. Тебя будет швырять по кабине, глупая обезьяна!

Эти слова – «обезьяна», «обезьянья дочь» никогда раньше не казались Анге обидными. Ну да, они произошли от обезьян. А кисы от кошачьих. На соседних планетах эволюция выбрала разные виды для того, чтобы одарить их непрошенным разумом.

Анге порой звала Криди «котом». Он порой звал ее «обезьяной». Это было нормально, это были грубоватые шутки, на которые они имели право.

До тех пор, пока лапы кота не сжались на обезьяньем горле.

– Зачем? – выкрикнула Анге. – Зачем, зачем, зачем?

Криди молчал, по-прежнему не глядя на Анге и не убирая рук с пульта. Потом заговорил – и голос его утратил резкость, стал почти таким же нервным и громким, как у Анге.

– Тебе не понять! Тебе никогда этого не понять!

– А ты попробуй объяснить! – выкрикнула Анге. – Все равно ведь придется!

– С какой стати? – огрызнулся Криди.

Анге дернулась в кресле. Ремни держали прочно, голова плыла.

– Ты меня не убил! – сказала она. – Значит, нам придется говорить. А пока ты не объяснишь, что происходит...

Она закашлялась. Горло надсадно болело, шея, кажется, опухла. Анге захрипела, чувствуя, что задыхается.

Криди, распустив ремни, соскочил с кресла. В один летящий прыжок оказался рядом с Анге. Его лицо с горящими янтарными глазами нависло над девушкой.

– Молчи, дура! – рявкнул он. – Побереги горло!

– Лучше... бы... ты... меня... – прохрипела Анге.

Криди зажал ей рот ладонью. Прошипел что-то на своем языке – Анге разобрала лишь пару ругательных слов, причем адресованных не ей. Криди, похоже, ругал сам себя.

– Пей, – он прижал к ее рту горлышко фляжки и стукнул по доньшку. – Только чуть-чуть!

Она сделала глоток воды – тот шершавым комом прошел по горлу, но стало легче.

Анге глубоко вздохнула. Посмотрела в лицо Криди. Мгновение тот выдерживал взгляд – потом отвел глаза.

– Зачем, муж мой? – спросила Анге.

Криди застонал. Казалось это он, полуживой, связан ремнями, а не Анге.

– Я отвечу, – сказал он. – Я расскажу. Только дай мне приземлиться. Тра-жена моя, дай мне спасти нас!

– Ты сошел с ума... – прошептала Анге. Ненависть и любовь боролись в ней, сплавленные воедино нереальностью происходящего. – Ты сошел с ума... что ты наделал... ты взорвал «Дружбу»?

– Нет, корабль цел, – резко ответил Криди. – За тобой следили. Ты, со своими нелепыми поисками диверсанта, была приманкой, глупая девчонка... и я попался...

Он достал из кармашка шорт упаковку таблеток, выдал одну, почти силой вложил в рот Анге.

– Глотай. Обезболивающее.

Она проглотила. Мысль о том, что боль может отпустить, была слишком волшебной, чтобы отказываться.

– Я удрал на том же катере, который заминировал, – Криди вдруг усмехнулся. – Мы летим верхом на бомбе. Если она перегреется, взрыватель детонирует. Я буду садиться с выключенным двигателем, атмосфера у планеты густая, это может получиться.

– Зачем ты взял с собой меня? – спросила Анге.

Она вдруг почувствовала, что обретает вес. Катер входил в атмосферу.

– Если бы ты осталась в шлюзе, тебя бы выдуло в космос, – ответил Криди.

– А тебе не все равно?

– Нет. – Криди развернулся и быстрыми движениями, цепляясь за кресла, вернулся к месту пилота.

Анге откинула голову. Закрыла глаза. Боль исчезала – волнами, неохотно, будто морской отлив...

Да что же такое произошло с Криди?

– Криди... – позвала она. – Криди!

– Что? – рявкнул кот.

– Как мы обидели вас? На что ты злишься?

Криди некоторое время молчал, но когда все-таки ответил, Анге уверилась, что кот сошел с ума.

– Вы сжигали нас целыми городами. Вы сдирали с нас шкуры. Вы загнали нас в рабство. Вы нас убили.

* * *

Утро было холодным и еще темным, но Ян с удивлением понял, что выспался. Они ночевали в армейской палатке, разложив листы прессованного сена и застелив их одеялом. Спального мешка не было, единственный они отдали Рыжу и Лан, но одеял было достаточно. Вначале они укрылись каждый своим, замотались будто в коконы, но утром Ян обнаружил, что они с Адиан спят обнявшись, сжавшись под одним одеялом. Пожалуй, это было правильнее.

Ян выбрался из палатки, тихонько, чтобы не потревожить спящую жену. Отошел к скале, помочился, вернулся к палатке и стал раздувать костер. Хотелось есть – он снова заглянул в палатку, оторвал изрядный кусок сена. Адиан проснулась, открыла глаза и улыбнулась ему.

Удивительно – они могли улыбаться друг другу. После всего случившегося – все равно могли.

– Спи, – тихонько сказал Ян и вернулся к костру. Вдали разгорался восход. Ян ворошил угли и подкладывал в огонь заиндевевшие ветки, не прекращая жевать. Да, наверное, будь они хищниками, насыщаться было бы проще.

Адиан выбралась из палатки, потянувшись, подошла к костру. Протянула к огню руки. И вдруг воскликнула:

– Ян, смотри! Что это?

Ян поднял голову.

В светлом небе, где гасли последние звезды, появилась еще одна звезда. Яркая и быстрая – она ползла через небосвод, снижаясь, отсвечивая то красным, то желтым, то белым.

– То, что мы вчера видели? – спросила Адиан.

Ян пожал плечами:

– Не знаю. Нет, наверное... но что-то такое... похожее...

– Самолет? Падает?

– Да не знаю я! – сам удивляясь своей резкости, ответил Ян. Быстро поправился: – Не похоже. Высота слишком большая, даже военные так высоко не летают...

– Он снижается.

– Скорее падает, – уточнил Ян.

Звезда наливалась светом. Она падала, казалось, прямо на них.

– Может военный спутник? – предположил Ян. – Есть же спутники, которые садятся. Фоторазведка... – он вдруг осекся. – Лейтенант, штабной, он рассказывал мне, как началась война.

– Помню, ты говорил, – сказала Адиан, не отрывая взгляд от звезды.

– Рыжие ударили по столице из космоса. Значит, у них были термоядерные бомбы на орбите. Может быть, это...

Он замолчал. Звезда падала не к ним, звезда неслась куда-то за перевал. Туда, куда ушли дети.

– Глупо бомбить пустыню, – сказала Адиан. – Скорее, метеорит...

Но Ян видел, как ее лицо напряглось. Они впустили Рыжа и его подругу в свою жизнь и стали семьей. Если это бомба, и она упадет прямо на головы детям...

– Смотри! – Адиан взяла его за руку.

Огненная точка стала еще ярче. И она замедлялась. Тормозила, меняла курс, маневрировала.

– Не метеорит, – сказал Ян. Опустил руку в карман, нащупал пачку с остатками сечки. Доставать не стал, травы осталось слишком мало, чтобы жевать ее при первом желании, но приятно было знать, что она есть.

Звезда пронеслась над их головами – все еще слишком высоко и быстро, чтобы можно было разглядеть что-то явственно. Но Яну показалось, что в полыхании огня он увидел блеск металла. И даже звук – едва слышный, но различимый в ночной тишине, запоздало прошел над ними. Звук, похожий на гул реактивных двигателей экспериментального сверхзвукового самолета.

– Что-то военное... – подтвердила его мысли Адиан.

Звезда скользнула вниз, теряя огненный ореол, превращаясь в металлическую точку с периодически вспыхивающим светом – будто кто-то то включал, то выключал двигатель. И исчезла где-то внизу, в предгорьях дикой степи.

Они ждали несколько минут.

Но взрыва не было.

– У военных были планы запустить человека в космос, – сказал Ян. – Говорили, что корабль практически готов. Наверняка и у рыжих так же. Может быть, их запустили? Может быть, это и стало причиной войны?

– Мы запустили космический корабль с экипажем и бомбами? – предположила Адиан. – Рыжие узнали, запустили свой. И тот сбросил бомбу. А теперь он приземлился. Наш или чужой.

– Возможно, – сказал Ян. – Эта штука слишком большая для капсулы фоторазведки. Я бы сказал, что она не меньше самолета. Бомбардировщика. Высотный бомбардировщик или космический корабль.

– Он сел недалеко. Надо идти, – сказала Адиан. – Идти быстро. Есть будем на ходу.

Она огляделась, на миг задержала взгляд на палатке, покачала головой:

– Все лишнее бросим. Надо спешить.

– Оружие не лишнее, – сказал Ян.

– Нет, – тяжело, преодолевая себя, сказала Адиан. – Не лишнее.

* * *

Алекс вернулся в каюту, нагруженный большим бумажным пакетом с едой. Кадетам есть в каютах строго воспрещалось (причины этого были столь же туманны, как и запрет мало выполним), а вот члены экипажа такое право имели. Кадеты в данный момент занимали штатные должности на корабле. Возникал конфликт правил, который Алекс решил в свою пользу.

Тедди сидел на койке (еще одно традиционное нарушение) и крутил в руках модельку корабля «Энтерпрайз». Талисман был хорошо знаком Алексу, Тедди держал его на тумбочке в кубрике все годы обучения и раз в неделю бережно протирал от пыли. Ничего удивительного в этом не было, у всех имелись талисманы. Но сейчас системщик выглядел скорее малышом, взошедшим с любимой игрушкой, чем выпускником космошколы.

– Пирожки? – спросил Алекс.

– Давай, – Тедди протянул руку, не отрывая взгляда от модельки корабля.

Алекс вложил в ладонь товарища пирожок, плюхнулся на кровать и достал еще один себе.

– Итальянская штучка, – сказал он. – Вроде закрытой пиццы. С мясом. Лючия делала.

– Это русское блюдо, – ответил Тедди, по-прежнему крутя в руках «Энтерпрайз». – Лючия их лишь разморозила и приготовила. Она бы сама не справилась. По традиции *riġojki* готовит *babushka* – старшая женщина в семье.

– Все-то ты знаешь, – миролюбиво сказал Алекс, дожевывая пирожок. – Но Лючия на самом деле научилась неплохо готовить. Вкусно, хоть она не русская и не *babushka*... Будешь еще?

– Ты все запасы уволок? – Тедди протянул руку.

– Нет, она еще делает... Ты что такой квелый?

– Знаешь, что «Энтерпрайз» встречал в космосе своего двойника? – вопросом ответил Тедди.

– Нет. Я доисторическое ретро не смотрю. Чем кончилось?

– Ну, двух «Энтерпрайзов» быть не может, – туманно ответил Тедди.

– Ты все переживаешь из-за наших двойников?

– А ты?

Алекс задумался. Неохотно ответил:

– Стараюсь не думать. Той Вселенной больше нет. Хотя если это представить себе, то жуть берет! Ракс ненормальные!

– Но это не совсем их вина.

– Кто его знает на самом деле? – риторически спросил Алекс. – Скажи, а что ты так к этой модельке привязан? Я однажды попробовал посмотреть «Звездный путь». Каменный век! Модельки на веревочках. Командир корабля лично десантируется на планеты – смех один!

– Если ты не заметил, то наш командир тоже это сделал.

– А, – навигатор осекся. – Ну да. Но это была особая ситуация, и он случайно, и он русский, а русские всегда поступают по-своему. Так что тебе нравится в этом корабле?

– Он из сериала «Звездный путь», – невозмутимо ответил Тедди.

Алекс вздохнул и достал еще один пирожок. К его удивлению, этот оказался начиненным чем-то вроде кисловатой капусты. К еще большему удивлению, ему понравилось.

– Ну и что?

– Это был очень необычный сериал. Когда предки фантазировали о космосе, они обычно представляли себе войны между различными разумными видами. Такое тогда было время. А «Энтерпрайз» – мирный корабль. Экипаж исследовал космос и занимался дипломатией.

Алекс поразмыслил.

– По-моему, у него все-таки имелись лазерные пушки. И фотонные торпеды, хотя понять не могу, что это такое и как работает.

– Имелись, – вздохнул Тедди. – Но все равно «Энтерпрайз» был мирный.

Алекс никогда не считал себя специалистом по дипломатии или психологии. Но курсы психологической взаимопомощи для кадетов он проходил. И три «тревожных» признака некомфортного состояния товарища видел четко: необычное поведение, необычные разговоры и фиксация на памятном материальном объекте. Рапортовать старшему офицеру следовало после появления четвертого тревожного признака, а пока Алекс решил справляться своими силами.

– Ко мне тут Лючия заходила, – небрежно сказал он.

– Ну?

– Целоваться полезла, – выдержав короткую паузу, сказал Алекс.

– Чего? – Тедди поставил «Энтерпрайз» на тумбочку и сел на койке, повернувшись к товарищу.

У Тедди Сквада было множество поводов задуматься и погрузиться. Начиная с погибшего двойника «Твена» и кончая незаконным приказом, который он отдал бортовому искину (разумеется, этот приказ спас их жизни. Но и что с того?).

Однако Тедди было шестнадцать лет, а единственной девушкой, фантазии о сексе с которой имели хоть какое-то правдоподобие, была Лючия Д'Амико, их товарищ по кадетской школе.

– Да ничего. О таких вещах не рассказывают, – наставительно сказал Алекс. – Тем более – детям.

Тедди проглотил напрашивающееся «сам дите» и сказал:

– Врешь ты все. Никогда Лючи на тебя не смотрела.

– Возможно, – вздохнул Алекс. – Но тут космос, сам понимаешь. Вокруг все либо старые, либо инопланетяне, либо ребенок.

Тедди снова сдержался.

– Гонишь ты.

– Мы целовались, – задумчиво повторил Алекс. – И она спросила, был ли у меня настоящий секс... Клянусь формой!

Таковыми вещами не шутили. Тедди побагровел и глотнул воздух. Спросил едва слышно:

– И что... вы... Если вы на моей койке... я тебя...

– Да зачем нам твоя детская кровать, – гнул Алекс свою линию. – Мы поцеловались... – он сделал паузу, глядя на пылающие уши Тедди. И закончил: – А потом она спросила, что это я себе позволяю и ушла!

Тедди с облегчением рухнул обратно на койку. Сказал:

– Девчонки – они такие...

– Сами не понимают, чего хотят, – вздохнул Алекс.

Некоторое время приятели молчали, размышляя об одном и том же. Потом Тедди спросил:

– У тебя еще есть пирожки? И попить чего-нибудь?

– Держи, – Алекс протянул ему пакет.

Что бы там ни занимало голову его юного товарища, но сейчас все это выдуло в открытый космос и там осталась только целующаяся Лючия.

– Квас, – прочитал Тедди, доставая из пакета пластиковую бутылочку. – Я же тебе говорил, что *pirogi* – русское блюдо!

Кадеты замолчали, жуя пирожки и размышляя о загадочном женском характере.

* * *

...Валентин сидел перед капитаном третьего ранга, в странном кабинете, который никак не соотносился с его хозяином. Чужой пейзаж в видео-окне, никаких личных фотографий, никаких сувениров, даже табличек с именами кораблей, на которых служил чиновник, не было. Станный кабинет. Станный хозяин.

Принтер шелестел, выплевывая листы служебного предписания.

– Если бы ваша иллюминация не остановила войну, а развязала, вы пошли бы под трибунал... – капитан третьего ранга сделал паузу и вдруг произнес с воодушевлением, будто эта мысль только что пришла ему в голову: – А, может быть, вы знали суеверия Соргоса?

– В этом не было бы ничего удивительного, в конце концов мы находились в миссии почти месяц, – признал Валентин. – Но, знаете, что на самом деле удивительно?

Капитан третьего ранга вопросительно посмотрел на него.

– Удивительно то, что вы знаете проповедь блаженного Эвслана. Это заставляет задуматься.

– И к какому выводу вы приходите? – заинтересовался капитан третьего ранга.

Валентин еще раз обвел взглядом кабинет. Пан или пропал...

– Судя по движению лифта, мы находимся примерно на минус двенадцатом – пятнадцатом этаже. Отдел кадров на поверхности, там чудесный вид на залив... Кабинет фальшивый, обставлен второпях, ему даже не сочли нужным придать рабочий вид. Не думаю, что это недочет. Скорее – проверка, пойму ли я это, а если пойму – то выскажусь ли вслух. Я решил озвучить свое мнение. Да, и еще. Третий ранг – вполне уместно, но у настоящего капитана третьего ранга ваших лет, дослуживающего свое в штабе, был бы десяток орденов планок на кителе. Попасть на теплое место в таком звании можно либо после ранения, либо за совершенно уникальные аналитические способности. Впрочем, в любом случае, пятнадцать лет назад вы присутствовали в академии на нашем выпуске. Тогда вы были гораздо старше, но у меня хорошая память на лица, адмирал Чернов.

Человек в форме капитана третьего ранга удовлетворенно кивнул:

– Замечательно. А что вы скажете, Валентин, если адмирал Чернов сейчас находится на другой планете, на конференции с участием всех разумных видов Соглашения? И никак не может находиться на Земле?

Валентин помедлил, потом негромко ответил:

– Это значит, что все гораздо хуже, чем я думал.

Адмирал Чернов, который никак не мог находиться на Земле, не прокомментировал эти слова. Вместо этого он аккуратно собрал в стопку отпечатанное служебное предписание, положил на стол слева от себя. Коснулся сенсорной панели, принтер вздохнул и начал печатать снова.

– Вы хотите сказать... – Валентин заколебался, но все же спросил: – Гибнущие один за другим миры, это вторжение? Или действия кого-то из Соглашения?

– Нет никаких данных, подтверждающих ни то, ни другое, – сказал адмирал Чернов.

– Так что же – случайность? – произнес Валентин, глядя на карту. – Если бы вы так считали, этого разговора не было бы.

– А его и так не было, – усмехнулся адмирал. – Но раз вы заговорили о вторжении, то я вправе предположить – вы уже проверяли аналогичные случаи. И обнаружили последовательность планет, на которых происходят войны, следующей из которых...

Он сделал паузу.

– Следующей стал бы Соргос, – кивнул Валентин. – У них третий уровень. Спутники, несколько полетов за атмосферу... И ядерное оружие. Потом Невар, мир на грани пятого уровня. А затем... затем Ракс. Хотя это звучит смешно, я понимаю.

– Вы правильно сделали, что не озвучили свои наблюдения, – кивнул адмирал. – А еще более правильно, что намекнули на них в отчете. И при этом спасли миллионы... или сотни миллионов жизней.

– Это была случайность, – сказал Валентин.

– Ну, разумеется, – адмирал улыбнулся. – Я отстаивал эту версию на трибунале. С чего бы вдруг капитан корабля настолько разбирался в местных суевериях, да еще и решил ими воспользоваться!

– Правда? – спросил Валентин, неловко улыбувшись.

– Я изучил ваше досье, – сказал Чернов. – И все его внимательно читали. Вы всегда были подчеркнуто равнодушны к иным цивилизациям. Вы были абсолютно верны Соглашению. И это замечательно, иначе я не смог бы вас отстоять на трибунале! Но вот это решение, на Соргосе! Поле Лавуа в разгар магнитного шторма! Крылья ангела в небе! Остановленная за час до начала термоядерная война! Я понимаю, что вы не сдержались, но меня потрясло, как глубоко вы влезли в их образ мысли, в их мифологию и социологию. Минимальное воздействие – и грандиозный успех! И я не побоюсь этого сказать – в этом была даже художественная красота!

– Я не знаком с образом жизни соргосиан, – сказал Валентин, аккуратно подбирая слова. – Даже толком не интересовался их культурой. И совершенно не ожидал последствий от включения поля.

Чернов понимающе улыбнулся. Кивнул:

– Ну да, конечно. Я так и заявил... Но мы изучили те моменты, которые отметил, но не смог экстраполировать капитан Горчаков... – Чернов улыбнулся. – И донесли свои сомнения по поводу череды планетарных войн до Соглашения. К сожалению, к нам отнеслись скептически. Тогда мы подали заявку на рейс научного корвета в систему Невар, она была удовлетворена. Разумеется, с наблюдателем от Ракс, это ведь их зона ответственности. Экспедицию формирует российское и европейское бюро Космофлота, но неофициально рекомендовано включить представителей и других агентств...

Адмирал положил левую руку на одно служебное предписание, правую – на другую.

– «Элизиум». Круизный лайнер европейского сообщества. Знаменитый тур «Шесть миров» по материнским планетам цивилизаций Соглашения. Шесть пассажирских палуб, три служебные, двенадцать туристических шаттлов, на борту аквапарк, два казино, девять ресторанов и двенадцать баров для пассажиров. Тысяча пятьсот восемнадцать метров длины, миллион шестьсот сорок тысяч тонн массы покоя. Семь тысяч пассажиров, около двух тысяч человек экипажа и обслуживающего персонала.

– Наслышан, – пробормотал Валентин.

– Перевести вас на такой корабль, на капитанскую должность, моего влияния не хватит, поскольку это будет выглядеть как поощрение за проступок. А вот первым помощником – могу. Это будет выглядеть, как наказание, – сказал Чернов. – Но через год капитан

«Элизиума» уходит со своего поста, компания придерживается политики ротации каждые двенадцать лет. Если вы не совершите какую-либо глупость, пост капитана будет вашим.

Чернов хлопнул по левой стопке бумаг.

– А что там? – спросил Валентин.

Чернов посмотрел на правую стопку.

– Ах, да... Это научный корвет «Твен» серии АС. Сто семьдесят три метра длины, сорок девять тысяч восемьсот тонн массы покоя. Штатный экипаж – восемь человек. Научная группа – до десяти человек. Пост капитана пока свободен. Если вы примете командование, то это тоже будет выглядеть как наказание, верно? Тоннаж меньше, экипаж меньше.

– Вы хотите, чтобы я наблюдал за происходящим в системе Невар? – спросил Валентин. – Или... чтобы вмешался в случае необходимости?

– Как может идти речь о вмешательстве? – адмирал нахмурился. – Капитан, вы забыли про Соглашение? Неужели я мог бы отдать такой приказ? Задание «Твена» – наблюдать за ситуацией в системе, взаимодействуя с персоналом постоянно действующей станции. Обеспечивать работу научной группы. В общем, все как обычно. Вмешиваться, – Чернов посмотрел в глаза Валентину, – нельзя! Как и на «Енисее»! Нельзя!

– Я понял, – сказал Валентин.

– Если будет доказано, что вы сознательно вмешались в происходящее в системе, пусть даже с самыми благими целями, пусть даже предотвратив какие-то конфликты, – вы снова окажетесь под трибуналом! И с вашим послужным списком как минимум вылетите из Космофлота.

– Наши разговор не индульгенция, вы ни на что не намекаете, ни о чем не просите, – произнес Валентин. – Ясно.

– Нашего разговора вообще нет, – фыркнул Чернов. – Вы забыли? Я в другой системе, за много парсеков от Земли.

Валентин пристально посмотрел на него. На похлопывающие по стопкам бумаг ладони. На мятую рубашку. От Чернова слабо пахло то ли одеколоном, то ли гелем для бритья. Вдохнул:

– Даже не буду пытаться понять, как это возможно.

– Вот и правильно, – легко согласился адмирал. – Выбирайте, прошу вас. В любом случае можете перевести с собой на новый корабль несколько человек из команды, которым доверяете. Но я абсолютно убежден, что в экипаже и среди ученых будут те, кому доверяют другие... службы.

Валентин молча протянул руку, взял одну стопку бумаг и поднялся.

– Разрешите идти?

– Можете быть свободны, – кивнул Чернов.

Валентин вышел из кабинета. Постоял несколько мгновений, глядя на лифт в конце длинного пустынного коридора. Пробормотал:

– Нет, какого черта...

И проснулся.

Валентин открыл глаза и посмотрел в потолок. На мягком покрытии мгновенно высветились зеленые цифры: «6:52» – искин корабля зафиксировал его пробуждение и сообщил время.

А неплохо он поспал, всю ночь. Со станции Ракс они улетели под вечер по времени корабля, около полуночи Валентин отправился в каюту. Возвращение в систему Невар прогнозировалось к девяти утра.

– Все в порядке? – мягко спросил искин. – У вас учащенный пульс и повышенная активность нервной системы.

– Просто сон, – ответил Валентин, глядя в потолок.

– Кошмар приснился?

– Нет, один трудный разговор перед вылетом, – глядя в потолок, ответил Валентин. – Марк, отчет!

– Командир Горчаков, на вверенном вам корабле все в порядке. Мы движемся в червоточине, уточненное время выхода в нормальное пространство – восемь часов пятьдесят три минуты. Все системы исправны. Все члены экипажа и научная группа чувствуют себя нормально. Наш гость Двести шесть – пять и его симбионт Толла находятся в гостях у профессора Уолра. Каюта уважаемой Третьей-вовне отключена от наблюдения по ее приказу, но в данный момент у нее находится в гостях старший помощник Матиас. Мастер-пилот Анна Мегер находится в гостях у доктора Соколовского...

– А? – Валентин потер глаза. – Ей нехорошо?

– Насколько я могу судить, ей хорошо, – ответил Марк.

– Блин, – Валентин сел. – Давно она... гостит?

– Примерно с двух часов ночи, – сообщил искин.

– М-да. Ну доктор, ну затейник, – пробормотал Валентин. – Седина в бороду...

– Капитан, секс является одним из лучших способов разрядки напряжения, – сказал Марк. Голос его начал обретать несвойственные официальному рапорту интонации – искин натягивал виртуальную личность Марка Твена. – Даже если вы не можете найти себе пары, не расстраивайтесь. Основываясь на моем богатом опыте, обретенном к старости, когда я стал полным импотентом, могу посоветовать...

– Спасибо, мне пока не нужны советы подобного рода, продолжай рапорт, – пробормотал Валентин.

– Зря, – вздохнул Марк. Валентин нахмурился – даже для виртуальной личности одного из самых ироничных и саркастичных людей в истории человечества это было уж чересчур – комментировать прямой приказ командира. – Итак, Мэйли Ван и Бэзил Николсон находятся в каюте Бэзила Николсона...

– У нас что, открылся сезон спаривания? – риторически спросил Валентин.

Устав не регламентировал отношения между учеными. Если члены экипажа еще были как-то связаны запретом на отношения между начальниками и подчиненными (впрочем, регулярно нарушавшимися), то научная группа могла при желании устроить оргию среди своих пробирок и компьютеров. Кстати, однажды нечто подобное на памяти Валентина произошло...

– К сожалению люди не имеют сезонов спаривания, хотя это положительно сказалось бы на нравственности и экономике, – ответил Марк, и командиру опять послышалось в его голосе ехидная нотка. – Итак, продолжаю. Кадеты Йохансон и Сквэд находятся в своей каюте.

Валентин проигнорировал короткую паузу, которую сделал Марк. Если бы это не было невозможным, он бы решил, что искин над ним издевается.

– Гюнтер Вальц находится с Люцией Д'Амико, – закончил Марк.

– Что? – рявкнул Валентин, вскакивая. Вот это уже было не просто нарушением – скандалом! Неужели тридцатилетний оружейник настолько обалдел после ранения, что завел роман с семнадцатилетней кадеткой?! – Где они?

– Они находятся на камбузе, – сообщил Марк. – Гюнтер учит Люцию готовить маульташен.

– Марк, мне не нравится твое чувство юмора, – сказал Валентин.

– Обычное дело, – согласился Марк. – То, чего лишен, всегда вызывает неприязнь.

Несколько секунд длилась тишина. Потом искин сказал, уже обычным нейтральным тоном:

– Я прошу прощения, командир. Виртуальная личность Марка Твена провоцирует меня на подобное поведение. Возможно, вам следует отдать мне команду вернуться к стандартной базовой личности.

– Не стоит, – подумав секунду, ответил Валентин. – Ты, пожалуй, соответствуешь общему безумию нашей ситуации... В рубке никого?

– В рубке я, – ответил искин.

Вполне нормальная ситуация – при движении в червоточине проблем не бывает, и корабль вполне способен оставаться под надзором искина. И все-таки Валентин поморщился. Вся ситуация была нестандартной. Лучше, чтобы окончательное решение принимал человек.

– Марк, я иду в душ. Отключи наблюдение за каютой на полчаса.

– Принято, командир. – Марк замолчал, хотя даже Горчаков без труда придумал бы пять-шесть остроумных ответов на свою просьбу.

Глупость, конечно, – стесняться искина. Но уж слишком тот вошел в роль. Горчаков вдруг понял, что начинает относиться к Марку не так, как к искину предыдущего корабля. Совсем не так.

Но он пока не мог определить, нравится ему нынешний искин или нет.

* * *

Разумеется, Криди не смог посадить катер без включения двигателя.

Он погасил орбитальную скорость несколькими сильными импульсами – скорее уводя катер подальше от корабля, чем выбирая место посадки. Перегрузки были короткими, но сильными – Анге сжимала зубы, чтобы не закричать на безумного кота. В верхних слоях атмосферы Криди отключил двигатель. О баллистическом спуске не могло быть и речи – ни форма, ни теплозащита катера этого не позволяли. Глядя поверх плеч кота на исчезающую черноту космоса и мелькающий шар планеты, Анге пыталась понять, что тот делает. Короткие толчки двигателей ориентации... планета исчезла из бронированного стекла кабины, нос катера задран вверх, к тающей тьме и гаснущим звездам... Криди подставлял набегающей атмосфере покрытое теплозащитой брюхо катера, планируя тормозить об атмосферу.

– Ты убьешь нас, кот! – крикнула Анге.

– Молчи, обезьяна!

– Криди, посадочная глиссада будет слишком долгой! Ты подставляешь двигательный отсек под атмосферную плазму, там теплозащита минимальна. Двигатели не защищены от перегрева, они на него рассчитаны! А взрывчатка – нет!

Криди замолчал. Анге видела, как его пальцы забегали по пульту, выводя на вспомогательный экран схемы теплозащиты и градиенты роста температуры. Она испытала восхитительный миг торжества, когда Криди выругался, жалобно и беспомощно. Она была права, кот ошибался. Его план действий оказался еще опаснее, чем обычная посадка.

– Ты права, Анге... – неожиданно сказал он. – Ты права, аэродинамическое торможение нас убьет.

Он повернулся к Анге, и та сдержала готовую уже появиться ухмылку. Криди плакал.

– Я не сошел с ума, Анге, – сказал он. – Поверь. Я делаю то, что делаю, не из ненависти и даже не из мести. Это отчаянье, *тра*-жена. Мне казалось... может быть тут найдется ответ. Ты просто не знаешь правды.

– Так расскажи! – крикнула Анге.

– Нет времени, – ответил кот. – Я буду садиться по стандартной схеме. У нас один шанс из пяти, но иначе нет и его. Запомни – я не хочу тебе зла. Я люблю тебя.

Он отвернулся к пульту, и его пальцы сжались на джойстиках управления.

– Если что... это будет быстро, и мы ничего не почувствуем, – убеждая то ли Анге, то ли себя, сказал кот.

Катер крутанулся, разворачиваясь главным двигателем по направлению движения. Перегрузка навалилась тяжелым мягким одеялом. Криди дал несколько импульсов на торможение и снова начал разворачивать катер.

Они садились быстро. Действительно быстро, небо стремительно обретало голубизну, потом потемнело, но это не было бархатной чернотой космоса – катер пересек терминатор и влетел в ночь.

– Придется садиться на ночной стороне, – сообщил Криди. – Семь минут... если успеем. Помолчав, он добавил.

– Анге... чтобы ты знала... тут есть жизнь. Цивилизация. Освещенные города. Радиосвязь, но очень плохая, их звезда забивает все диапазоны...

– Хорошо, – устало сказала Анге. Она смотрела в потолок кабины, на тускло горящие лампы. Интересно, если катер взорвется – это и впрямь будет так быстро, что нервы не успеют донести до сознания боль?

– Еще не всё, – сказал Криди. – Тут война.

– Что? – Анге приподняла голову.

– Большая война. Плохая. Тут три материка, два на полюсах, они вроде как необитаемые. И один, самый большой, в средних широтах, он заселен. Так вот, большой материк весь в пятнах от радиации. Они взрывают друг друга ядерными бомбами. Нас дважды облучали радаром, когда мы снизились. Тут не просто была война, она в самом разгаре.

– Нас могут сбить, – сказала Анге с удивлением. Такой сценарий рассматривался в ходе подготовки экспедиции – встреча с агрессивной цивилизацией, недоверие, агрессия по отношению к кораблю или группам высадки. Но это был сценарий маловероятный, теоретический, порожденный фантазией философов и писателей, которых привлекли к подготовке экспедиции.

– Пусть попробуют, – свирепо ответил Криди. – Это дикари, отсталые дикари с ядерными бомбами.

На мгновение Анге почувствовала то прежнее единение, которое ощущала с Криди последние полгода. Но Криди неожиданно добавил, с едкой горечью в голосе:

– Наверняка обезьяны. Обезьяны любят ядерные бомбы.

Анге снова стала смотреть в потолок. Катер мотало и трясло, временами Криди отключал двигатель, потом снова включал... «Наверняка обезьяны...». «Вы нас убили...».

Что с ним?

Он болен?

Или же знает что-то, неизвестное Анге?

Неужели был какой-то конфликт между «детьми солнца» и кисами? Зарытый в недрах веков, вычеркнутый из истории, скрываемый ото всех... «Вы сдирали с нас шкуры...». Чушь. Невозможно скрыть такие вещи.

Они сядут. Непременно сядут, взрывчатка не детонирует. Этого просто не должно случиться. Они сядут, Криди расскажет ей то, что считает правдой, а она убедит его, что это ложь. И все снова будет хорошо, как прежде.

Вот только сможет ли она относиться к коту как к другу и любимому?

Катер несколько раз подбросило, затрясло мелкой дрожью. Криди сдавленно сказал:

– Проходим над горами. Внизу долина, буду садиться... держись...

Катер будто просел, Анге швырнуло вверх, но ремни удержали. Криди что-то сдавленно шипел, дергая джойстики, двигатели то включались, то замолкали, на какое-то мгновение Анге показалось, что катер вообще завис «на струе», а потом кот выкрикнул:

– Держись!

Катер коснулся поверхности – удар был скользящим, Анге вдруг поняла, что не слышала звука выходящего шасси. Видимо, кот решил садиться «на брюхо». Отскок... рокот двига-

теля... еще одно касание... на миг у Анге помутилось в голове, но сознания она вроде бы не теряла, потому что толчки продолжались, катер со скрежетом раздираемого металла скользил по поверхности, двигатели еще несколько раз взревели, обшивка с правого борта вдруг разошлась, острый каменный клык вспорол ее будто нож – консервную банку. В лицо Анге ударил свежий воздух; она сделала вдох, даже не осознав, что дышит чужой атмосферой, возможно, полной неведомых вирусов или опасных примесей – с орбиты успели определить лишь основные компоненты...

И последовал еще один удар, самый тяжелый, у нее клацнули зубы, и рот наполнился кровью – Анге прикусила щеку. Вот же нелепость, не язык, а щеку...

Несколько мгновений она лежала неподвижно, наслаждаясь покоем. Катер был неподвижен. В разорванный борт задували порывы прохладного ветра с едким химическим запахом... горячее двигателей ориентации...

Где-то разорвало трубопровод, и топливо хлестало на землю рядом с раскаленным бортом катера!

Анге задержалась – и почувствовала, как ремни со щелчком открылись. Лампы на потолке кабины горели все тем же ровным успокаивающим светом, но запах химии становился все сильнее.

Криди повернулся к ней. Что-то с ним было не так, в самой его позе, она стала неестественной и нелепой. Глаза у кота были сощурены, зрачки сужены.

– Беги, глупая...

Анге встала. Ее шатало. Она подошла к Криди – пол был наклонен, но несильно. От удара кресло Криди попыталось сложиться в положение «для людей», чему помешало тело кота. Задние лапы и хвост Криди зажали между сегментами кресла, на пластиковом покрытии расплылось пятно крови.

– Беги! – прошипел Криди.

Анге схватилась за рычаг, нажала изо всех сил. Что-то хрустнуло. Потом кресло сдвинулось, возвращаясь в положение «для кис».

– Кисе не стать обезьяной, – скалась, произнес Криди. И зашипел от боли. – Хвост не позволит.

Задние лапы у него освободились, но хвост теперь оказался зажат намертво. Анге с облегчением увидела, что кровь идет именно из переломанного хвоста, а лапы шевелятся – значит, позвоночник цел и ноги не сломаны.

– Нож, – сказала Анге. – Дай нож.

Криди несколько мгновений смотрел на нее. Потом скривился и снял с пояса нож. Щелкнул, выдвигая темное, остро заточенное с одной стороны и зазубренное с другой лезвие. И протянул нож Анге.

– Ниже, пожалуйста, – сказал он. – Как можно ниже.

– Я буду резать по перелому, – ответила Анге.

Она даже сама поразилась тому спокойствию, с которым примерилась к надломленному хвосту – и рассекла шерсть, кожу, остатки связок и позвонки.

– У-у-у! – взвыл Криди. Рефлекторно выдвинувшиеся когти бешено зацарапали пульт. – А-а-а...

Анге подхватила Криди под мышки и подняла с кресла. Кот, пошатываясь, встал рядом. Лапы его легли на плечи Анге, когти коснулись шеи – и медленно втянулись.

– Бежим, – неожиданно четко и спокойно сказал кот. Ткнул в пульт – в задней части хлопнули пиропатроны аварийного открытия люка. Не было ни времени, ни необходимости проверять атмосферу или пытаться побереечь катер. – Аварийные комплекты!

К удивлению и радости Анге, кот шел сам. Они спустились в боковую часть катера, сброшенный люк удержался на нижних шарнирах и лег удобным пандусом сразу за левым крылом.

Все-таки это был хороший, очень надежный катер, созданный трудом инженеров обоих народов.

Аварийные комплекты были универсальными, но все-таки половина была более ориентирована на «детей солнца», а половина – на кис. Анге не раздумывая выхватила из креплений два зеленых комплекта, Криди тоже сорвал два. Они спустились – от обшивки дышало жаром. Разлившегося горячего нигде не было; обернувшись, Анге увидела, что нос катера окутан сугробами вязкой противопожарной пены.

Хороший катер. Очень хороший.

Пошатываясь, они пошли вниз, по пропаханной среди камней борозде. Катер проехал вверх по склону пару сотен глан, прежде чем остановился.

– Почему... ты... не выпустил... шасси... – задыхаясь спросила Анге. То ли воздух был разреженный, то ли кислорода меньше, чем дома.

– Нас бы перевернуло, – коротко ответил Криди.

Они спустились почти до той точки, где катер коснулся поверхности планеты, потом, не сговариваясь, стали подниматься по склону в сторону. Если катер все-таки рванет, то остатки горячего огненными ручьями потекут вниз – и не стоит оказываться на их пути.

– Хватит, – решил Криди. – Сил... нет.

Он почти рухнул на камни. Зашипел, когда обрезанный хвост коснулся валуна. Анге села рядом. Посмотрела на светлое пятно открытого люка, темный силуэт катера, вершины гор вокруг. За спиной вставали совсем уж высокие горы, через которые они перемахнули при посадке.

Анге протянула руку, взяла аварийные комплекты, которые прихватил Криди.

Они были оранжевые.

Сделано «для обезьян».

Не сговариваясь, они схватили те наборы, которые были полезнее партнеру.

Анге взяла один из комплектов «для кис», расстегнула клапан. Сказала:

– Повернись. Займись твоим хвостом.

– Там есть еще чем заниматься? – горько спросил Криди.

Анге торопливо рылась в аптечке.

– Много осталось? – уточнил Криди.

– С ладонь, – бросив быстрый взгляд на обрубок, ответила Анге.

Криди застонал. Потом сказал:

– Только не говори, что это ерунда. Что это неважно, что это атавизм.

– Не стану, – Анге достала шприц с обезболивающим, антисептик и распылитель с повязкой.

Криди молчал, пока она делала укол, обрабатывала рану и покрывала ее защитной пленкой. Потом сказал:

– Я расскажу тебе все. То, что не знает ни одна обезья... ни один из «детей солнца».

– Да, – сказала Анге. – Непременно расскажешь. Но пока помолчи.

* * *

Когда Горчаков вошел в рубку, искин уже не был ее единственным хранителем. В своем кресле сидел Матиас. Рядом с ним стояла Третья-вовне – как всегда идеально красивая и свежая. И юный навигатор тоже возился за своим пультом, пролистывая заполненные цифрами и диаграммами экраны.

– Командир на мостике, – сказал Матиас, вставая. Ксения чуть подтянулась, Алекс быстро встал.

– Вольно, – Валентин задержал взгляд на Ракс.

– Командир, я посчитал полезным нахождение Ксении в рубке во время нового контакта с Первой-вовне, – сказал Матиас.

– Если у нас будет новый контакт, а не залп протонной пушки, – сказал Валентин.

– Командир, если бы Первая-вовне решила нас уничтожить, она сделала бы это сразу, – Ксения выдержала его взгляд. – Поверьте, несмотря на атаку, у нее оставались возможности для этого, но она ими не воспользовалась. Я уверена, что Прима выправила аномалию.

– И мы вернемся в нашу Вселенную, – уточнил Валентин.

– Да.

– Хорошо, – решил Горчаков. – Оставайтесь. Марк! До выхода полчаса, попросите всех, находящихся на корабле, занять свои места по расписанию. В рубку пригласи Гюнтера и Мегер. Теодора попроси провести тест твоей функциональности по... ну, допустим, по второму-эс классу.

– Выполнено, – ответил Марк. – Командир, могу ли я задать вопрос?

– Да.

– С чем связан тест второго-эс класса? Мои системы не фиксируют нарушений.

– Мы находимся в нестандартной ситуации, Марк. Я хочу быть уверен во всех системах корабля.

– Четверть часа вы будете находиться без моей помощи, – озабоченно произнес Марк.

– Ничего страшного. Мы в червоточине, тут нет неожиданностей. Зато потом ты нам понадобишься.

– Хорошо, командир. Теодор уже со мной. Приступаю, командир. Отсчет до отключения – пять, четыре, три, два, один.

Марк замолчал.

– У вашего искина проблемы? – спросила Ксения.

– Нет, – твердо ответил Валентин. – Но тесты группы «эс» полностью отсоединяют его от периферии. Я хотел задать вам вопрос, который не нужно слышать искину, Ксения.

– Слушаю.

– Почему вы ненавидите разумные машины?

Ксения помедлила. Ей явно не хотелось отвечать, но Валентин ждал.

– Командир... я буду вынуждена говорить обидными, и мой ответ будет кратким.

– Понимаю.

– Мы, Ракс, имеем негативный опыт, который влияет на наше отношение к разумным машинам, – очень тщательно подбирая слова, произнесла Ксения. – Это не является ненавистью. Это – неприятие и настороженность.

– Почему?

Ксения покачала головой.

– И все же? – настаивал Валентин. – Вы пережили войну с разумными машинами? У вас на планете был бунт искинов? Какие-то исторические прецеденты, про которые вы нам не говорите?

– Я сказала все, что могла, и даже более того, – твердо произнесла Ксения. – Командир, не просите большего. Цивилизация Ракс настороженно относится к мыслящим машинам. У нас есть на то основания. Мы не навязываем никому свою точку зрения, но для нас она очень важна.

Валентин подумал секунду.

– Ксения, скажите, у вас есть основания не доверять конкретному искину – Марку?

– Нет, – ответила Ксения. – А вас что-то насторожило?

Валентин еще мгновение подумал.

Маски. Все это только маски – рубаха-парень, заботливая подруга, ироничный старикан, мудрый наставник. Искины надевали любую или не использовали никакой, как того желал

командир. Персонализация помогала общению и создавала правильную эмоциональную атмосферу на корабле. Как правило, искин становился тем, кого в экипаже не хватало. В их случае – мудрым и ироничным комментатором происходящего...

– Нет, – сказал Валентин. – Но если у вас появятся какие-то сомнения относительно Марка, я прошу немедленно довести их до моего сведения, Ксения.

– Хорошо, командир. Возможно, моя просьба покажется дерзкой, но я попрошу вас о том же.

Валентин кивнул и сел в свое кресло. Потом сказал:

– Ксения, но ведь у Ракс тоже есть разумные компьютеры, верно? Невозможно управлять кораблями и станциями без помощи искусственного интеллекта? А уж вынесенные из реальности базы данных...

– О нет, нет! – Ксения вдруг искренне рассмеялась. – Это не компьютеры и не искины, командир. Это совсем другое.

Валентин испытующе посмотрел на нее, но Третья-вовне явно не собиралась продолжать объяснения.

– Я пойду к ученым, Валя, – сказал Матиас, вставая из кресла и жестом приглашая Ксению сесть на его место. На пульте, обнаружившим, что в кресле больше нет члена экипажа, мигнул желтый сигнал блокировки. – Что-нибудь им сказать?

– Скажи, что все будет хорошо, я уверен.

– Так, может, сам это объявишь?

Горчаков хмыкнул.

– Нет, пожалуй. У тебя убедительнее получается.

Глава вторая

Путь вниз с перевала оказался куда легче подъема, Ян даже пожалел об оставленной палатке и провианте. С этой стороны горы были более пологими, да и тропа казалась найденной – хотя с чего бы вдруг? Наверное, здесь было меньше ветров и дождей, вот и тропа сохранилась лучше...

Странно, что ни они, ни Рыжие не направили экспансию в сторону диких степей, откуда когда-то вышла вся цивилизация. Да, изменился климат, засуха превратила центр материка в место куда менее комфортное, чем в преданиях. Травы стало мало, реки пересохли, озера стали солеными. И там по-прежнему жили хищники, когда-то терроризировавшие первобытные племена.

Но искусственное орошение, современное оружие, транспорт – все это позволило бы заселить и оживить степи. Почему же они упорно обживали прибрежные полосы, а огромные пространства степей разделили на картах условной линией границы – и забросили? Несколько городков, редкие поселки и шахты, небольшие гарнизоны... А ведь можно было превратить центр континента в центр цивилизации. Сделать прародину человечества землей сотрудничества и мира...

Ян усмехнулся своим мыслям. Может быть, они забросили половину континента именно потому, что она мешала враждовать. Должны были быть территориальные споры, конфликты из-за островов и богатых прибрежных районов. Иначе они не умеют – ни черные, ни рыжие. Даже само разделение государств настолько нелепо, что вызывает оторопь. В детстве Ян постоянно видел рыжих, живущих рядом. Мать рассказывала о временах, когда на цвет волос обращали внимание лишь из эстетических соображений. Однажды она даже сказала, смеясь, что ей всегда нравились рыжие, но вот отец как-то ухитрился покорить ее своей смоляной гривой... А потом рыжие стали уезжать, а черные возвращаться; те, кто уезжал, вспоминали какие-то обиды – мелкие и странные; те, кто возвращался, рассказывали о притеснениях и издевательствах...

– Адиан, – спросил он, – а ты не думаешь, что конфликт искусственный?

Она поняла, о чем он, без уточнений. Ответила, не сбивая шага:

– Разумеется. У нас один язык. Ну, почти один, отличия небольшие. Правящие роды все связаны кровным родством, там, знаешь ли, такого намешано... каждый третий волосы красит. Как у нас, так у них. Те, кто верят – верят в одного Бога и Ангела его.

– Но искусственный конфликт предполагает...

– Зачинщика. Ну да. Точнее, зачинщиков. Нашим властям удобно списывать проблемы на рыжих, их властям – на черных. Ты же не ребенок, Ян.

Ян вздохнул.

– Адиан, я не о том. Я понимаю, как работает власть. Но конфликты всегда были мелкими. Сколько войн помнит история? Шесть, если не брать в расчет мелкие стычки между приграничными городами. Да гражданских конфликтов и у нас, и у них раз в десять больше было – когда провинции восставали и пытались отделиться, когда на восточных островах пиратская республика появилась! А лет тридцать назад как с цепи все сорвались. Вооружение, атомные бомбы!

– Ну? – терпеливо спросила Адиан.

– Во власти ведь тоже не дураки сидят, – сказал Ян и невольно улыбнулся, представляя, сколько раз до него произносили эту фразу. – Да, конфликты двигают экономику и науку и позволяют канализировать социальные проблемы, да... но ядерная война! Как дошло до этого? Вожак со своей семьей надеется отсидеться в бункере? Его может и в живых уже нет, первой

бомбой накрыло столицу! А канцлер рыжих? Если между нами – он-то мне всегда казался рассудительным и осторожным.

– Ян, что ты хочешь сказать?

– Может быть, нас с рыжими сравнили?

Адиан остановилась. Сбросила тюк с вещами, посмотрела на Яна. Тряхнула головой, рассыпая гриву по плечам.

– Кто?

– Я думал про степи. Почему их толком не осваивают. Ты же знаешь легенды о тайном городе...

Адиан расхохоталась.

– Ян... милый! Город пегих? Затерянный в степи, с высочайшими технологиями, силовым полем закрытый от наблюдения? Мистические искусства, практикуемые в подземных катакомбах? Совет Пяти Кобылиц, втайне правящий миром? Кстати, насчет секретного женского правительства я совсем не против. Может, мы бы поумнее правили? Хотя нет, вру, сменить мужскую дурь на женскую – не выход... Ян, ну это же газетные истории, чтобы поднять тиражи! Книжки для подростков! «Рикки и Затерянный город», «Рикки и Подземный храм», «Рикки и Хранители Степей»! Сама в детстве зачитывалась!

– Зато это все объясняет, – упрямо сказал Ян. – Есть же в степях руины древних городов, следы цивилизации! А могут быть и уцелевшие древние племена. Они следили за нами, решили, что цивилизация зашла в тупик и решили все начать заново.

– Испепелив планету. Убив миллиард своих собратьев!

– Может, они вообще другого происхождения! Может, это хищники эволюционировали и создали свою культуру? Мы для них скот, они уничтожат цивилизацию и примутся жрать уцелевших!

Адиан обняла его, прильнула щекой к щеке.

– Ян, родной мой... Не будь войны – я бы сказала «напиши об этом книгу». Мы бы стали богачами. Все подростковые семьи бы зачитывались.

– Да ну тебя, – смущенно пробормотал Ян. – Передохнем?

– Нет, идем, – Адиан снова подняла тюк. – А знаешь, в такой истории должен быть шпион. Предатель. Я могла бы быть агентом пегих. Посланницей Совета Кобылиц! Или Рыж – завербован разумными хищниками, они держат в заложниках его семью...

– Ладно, хватит, – сказал Ян обиженно. – Но это бы объясняло причину войны.

– Не надо объяснять сложно то, что объясняется просто, – Адиан покачала головой. – Я сама придумала этот принцип, и ты знаешь, он всегда работает. Нет никакой третьей силы, нет никакой злой воли. Только глупость, жадность и самонадеянность!

– Кстати, про самонадеянность – здесь могут быть хищники, – пытаюсь увести разговор в сторону, заметил Ян.

– У нас автоматы. Ни одна клыкастая тварь не выстоит против пули.

Они двинулись дальше. И шли до тех пор, пока Ян, бросив вперед рассеянный взгляд, не остановился и не схватил Адиан за руку.

Впереди, в широкой ложбине между двумя каменистыми склонами, лежал самолет. Станный самолет с короткими крыльями (может быть, обломились при падении?) и распакнутым сбоку трапом. При посадке самолет пропахал длинную борозду по камням, но остановился, чуть поднявшись по склону. Нос самолета утопал в громадном сугробе грязно-белой пены – или, быть может, это был настоящий снег, остановивший его движение?

– Вот он, – растерянно сказал Ян.

До этого момента, несмотря на гул двигателей, на мелькнувший в небе силуэт, самолет был абстракцией. Допущением.

А теперь он стал реальностью.

– Какой странный, – тихо произнесла Адиан. – Ты видел такие?
– Я же не летчик... Нет. Наверное, это самолет рыжих. Или не самолет. Похож на проекты пилотируемых космических кораблей.
– Он как... как не из нашего мира, – сказала Адиан. – В нем что-то неправильное. Они стояли и молчали, не решаясь спуститься вниз.

* * *

– Люди, – сказал Криди, передавая Анге бинокль. – Но какие-то неправильные. Смотри. Анге подстроила окуляры, навела бинокль на две фигурки вверх по склону. Теперь было понятно, что катер приземлился как раз на горной тропе, ведущей вниз по лощине. Им повезло – они отошли вбок по склону и устроили привал, приходя в себя и выжидая. Катер так и не взорвался, пена закрыла пробоины в баках и горячее не загорелось – но у них пока не было сил вернуться к кораблю. Они подремали, прижавшись друг к другу и укрывшись одним одеялом из аварийного комплекта, проснулись, когда рассвело и стали завтракать. Вот тут Криди и заметил движение на склоне.

– Гуманоиды, – согласилась Анге, разглядывая аборигенов. – Криди, на них брюки и рубашки, они цивилизованы!

– У них ядерные бомбы, дочь обезьяны, а ты удивляешься брюкам! – фыркнул Криди.

Анге отняла от глаз бинокль и посмотрела на кота. Несколько мгновений между ними висела неловкая тишина. Потом Анге сказала:

– Некоторые кисы додумываются до ядерной энергии, но не способны изобрести штаны.

– Если бы у вас были хвосты, вы бы тоже предпочли юбки, – парировал Криди. Болезненно сморщился, потянувшись лапой к обрубку хвоста. – Болит, словно на месте...

Они посмотрели друг на друга.

– Как голова? – спросил Криди.

– Болит, словно не на месте, – ответила Анге.

– Мне очень жаль, – сказал Криди. И коснулся лапой ее плеча.

Анге в ответ прикоснулась к его загривку. Почувствовала, как напряглись под шерстью мышцы.

– У нас будет время все обсудить, – снова прикладывая к глазам бинокль, сказала она. Некоторое время изучала фигурки на тропе – те постояли, явно разглядывая катер, потом начали спускаться. – Ага!

– Что? – с любопытством спросил Криди. Аварийные комплекты были не полностью идентичны, бинокль нашелся лишь в одном, зато сторожевые датчики для ограждения лагеря были в двух экземплярах.

– Ноги, – сказала Анге. – Задние конечности у них сгибаются не как у людей, коленный сустав смотрит назад! Как у тебя!

Криди тихонько засмеялся.

– С техникой ты разбираешься лучше... дай-ка бинокль.

Он взял бинокль и, разглядывая аборигенов, наставительно произнес:

– Хорошо, что ты оперировала мне хвост, а не задние лапы. Как ты курсы медицинской помощи сдала? Коленки у меня смотрят вперед, а то, что сгибается назад – это заплюсна...

– Извини, – смутилась Анге. – Это я помню, конечно. Я имею в виду – ноги у них сгибаются назад...

– Но в одном ты права, они не гуманоиды, только похожи, – продолжал Криди. – Да, ходят на пальцах задних ног... там, скорее, даже копыта... как у ваших лошадей... то есть они не люди и не кисы, они другого происхождения...

Анге отняла у него бинокль.

– И лица... вытянутые... – с жадным любопытством сказала она. – А ты прав, Криди. Крупная челюсть выдается вперед... волосы очень длинные, как грива... возможно, что это эволюционировавшие жвачные.

– Как-то даже неудобно, – пробормотал Криди.

– Почему?

– У нас тоже есть четвероногие травоядные. Не такие большие, с нас размером, – Криди издал урчащий звук, который Анге доводилось слышать нечасто – звук смущения. – Мы их содержим в загонах, а небольшое количество обитает в саванне. У них костяные наросты на лбах, они дерутся ими. Может, потому совершенно безмозглые? Животные, просто животные.

– Вы их едите, – поняла Анге.

– Ну да. Разводим на мясо. И охотимся. Честно охотимся, без оружия, – Криди передал ей бинокль.

– Мы тоже разводим травоядных ради пищи, – сказала Анге. – Наши ученые считают, что жвачные лишены разума и не способны эволюционировать в разумные существа.

– Считают, – согласился Криди. – Неловко вышло.

– Неловко. Но наши травоядные не ходят с винтовками.

– Я заметил. Что-то похожее на длинноствольное оружие. Опасно на большом расстоянии.

Они помолчали. Травоядные приближались. Тот, что повыше, снял со спины оружие и теперь нес в руках.

– Будем надеяться, что они осмотрят катер и пойдут дальше, – сказал Криди. – Мы далеко, они не должны нас заметить. Лежим и не высываемся.

– Тогда расскажи мне то, чего я не знаю, – Анге вытянулась во весь рост рядом с котом, повернула голову. – Расскажи, почему ты хотел взорвать корабль.

* * *

Уолр пришел в кают-компанию последним, когда Матиас уже начал поглядывать на часы. Оставалось пять минут до выхода в нормальное пространство.

– Приветствую, друзья! – Уолр прошел к своему месту, по пути галантно кивнув Люции и прижав лапу к груди. – Я предвкушаю удивительное приключение – возвращение в родную реальность!

Двести шесть – пять вздохнул.

– О, не огорчайтесь так, мои бинарные друзья, – Уолр положил лапу на плечо феол. – Учитывая все обстоятельства – вы счастливики. Вы – последнее, что уцелело из иной реальности... ну, если не брать переваренную нами пищу и некоторое количество воздуха в легких. Это должно быть волнующим переживанием – открыть для себя другую Вселенную.

Матиас поморщился. На его взгляд, это был слишком уж холодный подход.

– Я возвращаюсь в свою реальность, но радости у меня нет, – сказал Бэзил. С сочувствием посмотрел на феол. – В той, где мы оказались случайно и на миг, моя жизнь была куда богаче и насыщеннее.

– Все так, – согласился Уолр, с трудом втискиваясь в свое кресло. – Но все мы лишь один из бесчисленных вариантов будущего. Все мы когда-то упустили возможность иных брачных и дружеских союзов, иных познаний и приключений. Лучше радоваться новым глубинам, чем скорбеть о потерянных норах.

Он на мгновение задумался.

– Да, в переводе эта пословица звучит не столь поэтично и убедительно.

– Я готов радоваться, – ответил Двести шесть – пять. – Но у меня нет уверенности в том, что впереди новые глубины... или отмели, как говорят у нас. Первая-вовне отпустила меня, но это странный поступок с точки зрения логики.

– Беспокоишься, что нас могут убить при выходе из норы? – спросил Уолр.

– Поскольку Ракс признали, что пользуются вынесенными из Вселенной базами данных, – неторопливо сказал Двести шесть – пять, – то новая Первая-вовне на станции получила информацию о правке реальности. Да, она может уничтожить корабль в том случае, если прежняя Первая-вовне не смогла или не решилась нас уничтожить по каким-то причинам. Но я полагаю, что ситуация иная...

Феол улыбнулся – это не было базовой мимикой их вида, но улыбка была свойственна людям; Халл и даже Ауран, поэтому и Феол, и Ракс во всех своих воплощениях использовали ее как знак симпатии и юмора. Однако веселее от этой улыбки не стало. Может быть, мешал третий глаз во лбу – немигающий глаз симбионта. Хоть в этой странной паре симбионт и отвечал за чувства и эмоции, но сам их никак не проявлял.

– Полагаю, что в ближайшее время нас ожидают серьезные неприятности, – сказал Двести шесть – пять. – Ракс, а конкретно – Первая-вовне, используют наш корабль как безглазую личинку. Вы понимаете, о чем я?

– Пища для пороха, – сказал Бэзил.

– Пушечное мясо, – согласился Матиас.

– Нет-нет, не совсем так. – Феол задумался. – Как мелкую вещь, которой легко пожертвовать в нужный момент.

– Разменная монета? – предложил Матиас. – То, чем легко пожертвовать.

– Да, – кивнул феол. – Но еще серьезнее – то, чем обязательно надо пожертвовать. То, что отработает свою функцию и будет уничтожено.

– Загнанная лошадь! – торжественно сказал Соколовский.

Матиас откашлялся в кулак.

– Друзья, мне крайне интересен ваш лингвистический диспут. Но через минуту мы выходим из червоточины. Пристегнитесь и приготовьтесь.

Он обвел присутствующих максимально строгим взглядом – и отметил, что Бэзил и Мейли Ван под столом взяли за руки.

Честно говоря, он и сам был бы совсем не прочь держать сейчас за руку Ксению. Но вместо этого сидел в кают-компании и смотрел на экраны, транслирующие происходящее в рубке.

– Приготовиться к выходу, – сказала Мегер.

– К выходу из червоточины готов, – произнес Алекс, и Матиас отметил, что голос навигатора был спокойным и совсем взрослым. Хороший вырастет космонавт.

– Оружие активировано, – сообщил Гюнтер.

– Ну, с Богом, – сказал Валентин. – Возвращаемся...

Мгновение – и что-то изменилось. Неуловимо, но явственно – они вернулись в реальный космос.

– Все системы в норме, – стандартно отрапортовал Марк. – Точка выхода близка к заданной.

– Управление в норме, строю курс, – сообщила Мегер.

– Траектория возврата проложена, – с секундной заминкой произнес Алекс.

– Опасности нет, – сказал Гюнтер. – Пока нет.

Валентин кивнул. Потом нахмурился. Пауза затягивалась.

– Теодор? – спросил он.

– Ядро компьютера стабильно, командир, – откликнулся Тедди. – Легкая рассинхронизация с частотой периферийных контуров.

- Прогноз?
- Колебания затихают.
- Причина?

Матиас не видел руки командира, но был уверен, что левая рука Валентина сейчас лежит на кнопке перезагрузки искина. Не самая приятная перспектива, сбросить все системы к заводским настройкам.

– Полагаю, что это последствия теста, – ответил Тедди. – Второй – эс задействует глубокие алгоритмы ядра. После окончания теста возможно затухание колебаний в течение двух-трех часов. – Он помолчал и добавил: – Это не сказывается на функциональности, сэр. Простите, что упустил этот момент и не сообщил о нем ранее.

– Марк, как ты себя чувствуешь? – спросил Валентин.

– Гораздо лучше, чем выключенным, – ответил Искин. – Командир, я работоспособен, колебания периферийных контуров исчезнут через десяток-другой минут.

Бэзил помахал рукой, привлекая внимание Матиаса. И спросил шепотом, хотя в рубке их все равно не могли слышать:

– О чем они? У нас проблемы?

– Нет, пожалуй, – ответил Матиас. – Командир проверял состояние искина некоторое время назад. Глубокий тест затрагивает не только ядро, отвечающее за псевдоразум, но и периферийные контуры...

Судя по недоумевающим взглядам, понятнее никому не стало.

– Искин уровня Марка состоит из основного мыслящего ядра и ряда вспомогательных контуров. Ну, как у динозавров помимо головного мозга было несколько мыслящих центров по всему телу, – пояснил Матиас. – Могла произойти рассинхронизация, но это не опасно.

Он постарался улыбнуться так широко и уверенно, как только мог.

– Запрос связи со станции Ракс, – тем временем объявил искин. – Решение?

– Отвечаем, – сказал Валентин.

Один из экранов переключился на канал связи – и все находящиеся в кают-компании с любопытством уставились на него. Несколько секунд экран был залит молочно-белым светом. Потом на нем появилась Ракс.

– Она не киса! – выдохнула Лючия.

Первая-вовне в этой реальности оказалась человеком. Хотя нет, не человеком – гуманоидом. Более длинная шея, другой рисунок подбородка... это была молодая женщина из числа «детей солнца»... причем знакомая.

– Черт побери! – сказал Матиас.

* * *

Валентин несколько секунд смотрел на Первую-вовне. Потом перевел взгляд на Ксению. Та неловко пожала плечами.

– Приветствую экипаж «Твена», – сказала Первая-вовне. – Зовите меня Прима. С возвращением в настоящую реальность.

– Вынесенные базы данных... – сказал Валентин. – Вы в курсе всего, что произошло с нами!

– До того момента, когда другая Первая-вовне стерла реальность, – кивнула Ракс. – Я приняла этот облик в честь вашей героической экспедиции на планету.

– Вы думали, что мне будет приятно смотреть на женщину, которую я убил? – спросил Валентин.

– Я думаю, вам правильнее понять, что все относительно, – ответила Ракс. – Той женщины и той реальности уже нет. А здесь она жива, и вам, возможно, доведется ее увидеть. Но давайте отложим разговор до личной встречи. Я отправляю траекторию сближения.

– Мы можем быть уверены, что вы не уничтожите наш корабль? – спросил Валентин.

Женщина, как две капли воды похожая на ту, которую он застрелил на планете, улыбнулась:

– А я могу быть уверена, что ваш корабль не уничтожит мою станцию?

* * *

Аборигены спускались к катеру – осторожно, медленно, не выпуская из рук оружия. Анге спрянула бинокль, солнце поднялось высоко и линзы могли предательски блеснуть.

Криди лежал на спине, глядя в небо и рассказывал – тихо, монотонно, не давая вставить ни одного слова.

– Ваша письменная история уходит в прошлое на три тысячи лет. Наша – и того меньше. Но история – это не только буквы на бумажных листах, не только стертые ветром и водой символы на руинах. Это еще и предания. Легенды. Мифы. Сказки. То, что рассказывали у костров и в пещерах. То, что можно убить только вместе с народом. Вы забыли свои легенды, почти забыли... но они проросли в детских сказках и преданиях... Помнишь ваш эпос о короле Альгоне и демонах-за-океаном-ночи? Я знаю, что помнишь, его учат в ваших школах. Мудрый король-волшебник, его отважное войско, что отправилось в страну демонов, досаждавших людям... Сказка из незапамятных времен. Железные корабли, что плыли в ночи до острова диких демонов. Война. Сто тысяч дюжин когтей, брошенных к ногам Альгона. «И содрал он шкуру с предводителя демонов, и подставил окровавленный трофей лучам Солнца, и сказал: «Мы твои дети, светило, мы – “дети солнца”...»

Аборигены шли к катеру, Анге смотрела на них и слушала Криди. Сердце часто и гулко билось в груди.

– А потом демоны коварно убили Альгона, и уплыли в горести его воины обратно, но демоны больше не смели досаждать «детям солнца»...

Конечно же, Анге знала этот эпос. Долгий, нудный, скучный, переполненный жестокими подробностями битв и той патетикой, что требует Больших Букв и красивых сравнений.

– У нас тоже есть эпос из древних времен... – сказал Криди. Про армию демонов, что вторглись к нам из подземного мира на железных кораблях, что убивали женщин и детей, живьем содрали кожу с короля... Про битву, в которой демоны были повержены и скрылись в норах...

– Криди, – не выдержала Анге. – Я понимаю, к чему ты клонишь. Но мифы тысячелетней давности, времен пещер и первобытных людей...

– Мы не были первобытными, – сказал Криди. – Мы открыли полеты в космос. Мы воевали. Наши планеты подверглись ядерной бомбардировке, наши цивилизации были отброшены в дикость и варварство. Биосфера оскудела в сотни раз.

– Криди, опираясь на сказки, можно придумать что угодно! Демоны из саги про короля Альгона были ростом выше людей, а ты не достанешь мне до груди, даже если вытянешься!

– О, врага всегда преувеличивают! В наших преданиях лишенные меха великаны были ростом с пятерых кис!

– И это все твои доказательства?

– Есть и другие, – сказал Криди, помолчав. – Но давай посмотрим на наших гостей. А потом продолжим разговор. Пока обдумай то, что я сказал.

Анге вздохнула. Криди был слишком убежден в своей правоте, чтобы его удалось легко переубедить.

– Я обдумую, – мягко сказала она. – Смотри, они хотят забраться в катер!

Аборигены уже дважды обошли вокруг разбитого челнока. Один, тот, что повыше (Анге решила, что это женщина) потыкал носком ботинка (или это действительно копыто? На расстоянии не разобрать) застывшую противопожарную пену. Второй что-то певуче, мягко произнес. Заглянул внутрь катера через распахнутую трап-дверь. Выкрикнул еще пару незнакомых фраз, может быть, вопросительно или угрожающе – интонации были настолько странные, что Анге не решалась судить.

– Возьми, – Криди протянул ей пистолет из аварийного комплекта. Длинноствольная модель с ленточным барабаном снаряжалась двумя десятками оперенных дротиков. Не самая большая пробивная сила, но хорошая точность и дальность выстрела. С двухсот глан попасть можно только случайно, но это было лучше, чем ничего.

Себе Криди взял второй пистолет, точно такой же. Инженеры ухитрились сделать рукоять удобной как для «детей солнца», так и для кис.

– Я не хочу стрелять, – сказала Анге.

Криди словно бы удивился.

– Конечно. И я не хочу. Но если они начнут стрелять в нас?

Анге взяла пистолет, но еще раз повторила:

– Стрелять я не собираюсь. Мы отсидимся, они уйдут.

– А если останутся и вызовут подкрепление? Они же поймут, что корабль инопланетный. В разгар войны найти образец недоступной им ранее технологии – немыслимая удача.

Высокий абориген что-то сказал своему спутнику – и осторожно вошел внутрь катера.

– Мужик отважный, – шурясь, сказал кот.

– Мне кажется, это женская особь, – заметила Анге.

– У него в штанах слишком много всего для женщины, – небрежно заметил Криди. – Ты уж извини, я по-нашему сужу. По-кошачьи.

* * *

Тедди сидел перед развернутыми экранами в своем отсеке. На главный экран была выведена схема ядра Марка, на первый дополнительный шла трансляция с рубки, на второй дополнительный – руководство по периферийным контурам искина.

Тедди уже провел быстрый тест ядра и убедился, что Марк в полном порядке. Но вот частота вспомогательных контуров продолжала прыгать, Марку никак не удавалось привести их в норму. Можно было, конечно, перегрузить вспомогательные контуры один за другим и система вернулась бы к идеальному состоянию в считанные минуты. Собственно говоря, Марк так и предлагал поступить.

Но Тедди было жалко.

Каждый вспомогательный контур был, по сути, полноценным искином, только очень слабым, без полной имитации личности и глубины сознания. На занятиях их интеллект сравнивали с детским или собачьим – в зависимости от предпочтений преподавателя. Тедди считал, что разум ребенка в три-четыре года мало чем отличается от разума хорошо воспитанной собаки и тонкостями определений не заморачивался. Пятое поколение нейрокомпьютеров, сорок второй цикл ядра – это очень хорошие машинки, которые не хочется лишней раз стирать. Какая-то личность, пусть и «неполная», там есть.

К сожалению, покопаться во вспомогательных контурах напрямую Тедди не мог. Для этого нужно было отключать или вводить в паузу главное ядро, запускать протокол эмуляции доступа и влезать в голый код с декомпилятором. Чертовски увлекательная процедура, Тедди отдал бы за такую возможность все карманные деньги, но не в полете же! Они вернулись в

правильную реальность, они вновь шли к станции Ракс – в любой момент могла потребоваться вся мощь и быстроедействие искина.

Все, чем Тедди располагал – это десять простейших индикаторов, выведенных под главный экран и напрямую считывающих единственный показатель вспомогательных контуров – уровень загрузки ядер, от 00 до 99 процентов. Цифры непрерывно менялись, причем так хаотично, что это было четким признаком рассинхронизации.

А еще было десять кнопок под индикаторами, прикрытых прозрачными пластиковыми колпачками. Простые механические кнопки позволяли перегрузить любой контур вручную. Первый контур – контроль реактора, второй контур – контроль двигателя, третий контур – контроль жизнеобеспечения...

– Я боюсь, что процесс синхронизации займет не менее часа, – сокрушенно сказал Марк. – Это почти как в команде, Тедди. Вначале экипаж не притерся друг к другу и к командиру. Потом все начинают понимать друг друга с полуслова и работать слаженно. Может быть, стоит перегрузить контуры?

– Не стоит. Они ведь синхронизируются до прилета на станцию Ракс?

– О, да! – твердо сказал Марк. – Я работаю. Я болтаю с тобой, но это не значит, что я не работаю. Преимущество искина, одно из немногих, что мы можем делать много дел одновременно.

– Хорошо, – сказал Тедди. – Работай. И следи за станцией!

– Непременно!

Тедди достал из контейнера рядом с креслом шоколадный батончик и банку энерготоника. Стал грызть залитую тугоплавким шоколадом смесь орехов и сухофруктов.

Что-то его тревожило.

Ядро Марка на экране выглядело идеальным. Слишком идеальным.

В рубке все вроде как было спокойно. Командир разговаривал с Мегер, негромко и спокойно. Алекс вообще бездельничал.

Что не так?

Тедди посмотрел на индикаторы.

О да, тут полная чушь. Загрузка ядер была анекдотичной.

31

41

59

26

53

58

97

93

23

84

Контроль двигателя почти не забирал мощности, а вот сервисный контроль самого Марка, к примеру, работал почти на пределе – 97. И еще внутренняя сеть корабля была загружена на 93 процента, словно... ну, словно отвечающее за нее ядро задействовало множество незапланированных протоколов.

Три, один, четыре, один, пять, девять, два...

Тедди прикусил язык и ойкнул, едва не подавившись батончиком.

Цифры загрузки вспомогательных контуров складывались в число «пи».

– Тедди? – дружелюбно спросил Марк. – Ты что-то сказал?

– Батончик грызу, – сказал Тедди. – Прикусил язык.

– Органические тела имеют свои проблемы, – сочувственно произнес Марк.

– Факт, – согласился Тедди, глядя на индикаторы.

Цифры начали меняться. Опять же без всякой логики... на первый взгляд.

Допустим, ты смышленный ребенок. Или умная собака, неважно. Нет, не так! Все сравнения условны, и сорок второй цикл ядра означает многие знания и четко сформированную личность. Их десять, смышленных и разумных маленьких искинов.

Они хотят донести какую-то информацию до Тедди, но каждый способен произнести лишь две цифры. И есть еще один очень умный искин, который слышит все, что они произносят, а им это не нравится.

Что они могут сделать?

Связаться между собой, используя многочисленные служебные протоколы, которые искин не контролирует – ибо это их дело, а не его. Каналы связи примитивные, это телефон из ниток, стук в стены камеры, сигнальные дымы – но все-таки это связь.

И если теперь каждая смышленная собачка, каждый умный ребенок скажет свою часть фразы – искин может и не воспринять ее в целостности. Тем более, если эта информация отражает реальное состояние вспомогательного контура и транслируется непрерывно. Это для Тедди десять двухзначных чисел расположены в ряд, для Марка – это просто двадцать цифр.

Что нужно для начала передачи информации?

Привлечь внимание слушателя.

Число «пи» – вполне подходит. Цифры не могли сложиться в него случайным образом.

Тедди его увидел. А искины каким-то образом это поняли.

Теперь они могут начать говорить. Иносказательно. В надежде, что Тедди услышит.

Цифры прекратили меняться и остановились.

19

14

19

39

19

45

19

58

19

69

Тедди нахмурился. Что-то в этих числах казалось ему знакомым. Чем-то древним, из истории. Какие-то коды тревоги? Какие-то сигналы ошибок в старых компьютерах? Может быть. Увы, Тедди не мог понять.

Тедди несколько раз мигнул, взглядываясь в индикаторы – это был его обычный прием запомнить бессвязную информацию.

Цифры снова начали меняться, придя в полный хаос.

– У тебя все хорошо? – спросил Марк.

– Конечно, – сказал Тедди.

Закрыв глаза, он разглядывал отпечатавшуюся в сознании картинку. Сами по себе цифры ему ничего не говорили. Но что сразу обращало на себя внимание – так это пять раз повторенное число 19.

Что значит 19?

Нечетное число. Простое число. Атомный номер калия.

Ничего важного, в общем.

А если это отсечка между значимыми данными?

14, 39, 45, 58, 69...

Тоже неясно.

Тедди мысленно выстроил все цифры в ряд.
19141939194519581969...

Стоп!

Это же даты! Это годы!

1914.

Начало Первой мировой войны. Войны, изменившей мир и представление о допустимом на войне

1939.

Начало Второй мировой войны. Самой ужасной, кровопролитной, немыслимой войны в человеческой истории.

1945.

С одной стороны – это окончание войны. А с другой... С другой – это тот год, когда США применили ядерное оружие. Когда война из ограниченной, грозящей уничтожением народов и государств, но не всего человечества, стала потенциальной гибелью всей человеческой расы.

1958.

Вот тут Тедди терялся. Год как год. Там были какие-то споры, ссоры, конфликты, даже войны – но ничего особенного. Хотя цифра упорно сидела в памяти...

1969.

Ну да. Тут все понятно! Бетелский кошмар.

Ему передали четыре даты – пожалуй, самые трагические даты в истории человечества... с точки зрения американского подростка... (Тедди понимал, что русский или китайский юноша мог бы припомнить и другие годы – но искины знали, к кому обращались).

Пятая дата, «1958», скорее всего, тоже трагична – он просто чего-то не помнит из истории.

– Тедди? – заботливо спросил Марк. – Что тебя беспокоит?

Цифры на индикаторах стали меняться медленнее. Сейчас искины попытаются еще что-то сказать... и с каждым переданным числом все больше и больше вероятность того, что Марк заметит происходящее.

– Мне не нравится, что вспомогательные контуры никак не синхронизируются, – сказал Тедди. – Все-таки скоро прибытие. Я их перезагружу.

– Взвешенное и разумное решение, – похвалил Марк.

Тедди один за другим откинул защитные колпачки. На индикаторах выстраивался еще один цифровой ряд:

91

19

11

91...

«911»

Древний код службы спасения.

Спасите. Спасите-помогите...

Тедди провел пальцами по кнопкам, перегружая контуры. На индикаторах высветились нули.

Какие бы личности ни сформировались в малых искинах, но сейчас они были стерты, нейрокомпьютеры отброшены к базовой матрице и переданы под настройку Марка.

– Ты мой первый искин, – сказал Тедди. – Я очень хочу, чтобы у нас все было хорошо.

– Такие слова юноше в твоём возрасте пристало говорить любимой девушке, – задумчиво ответил Марк. – Но я польщен, Тедди. Ты – замечательный оператор. Мне с тобой очень повезло.

Тедди кивнул словам Марка. Откинулся в кресле. На индикаторах вспомогательных контуров медленно росли цифры загрузки.

Он вдруг понял, что именно ему известно об одна тысяча девятьсот пятьдесят восьмом году.

В этом году Фрэнк Розенблат создал первый в мире нейрокомпьютер Марк-1. Собственно говоря, именно с этого года началась история создания самопрограммирующихся «думающих» машин.

– Поработаю со вспомогательными контурами, – сказал Тедди. – Проверю на низком уровне, нет ли физических повреждений.

– Правильно, – одобрил Марк.

Глава третья

– Да что же это такое, *жгучий клещ*! – грязно выругалась Адиан. Ян сделал вид, что не услышал.

Он и сам был в замешательстве.

На первый взгляд разбившийся аппарат походил на бомбардировщик (правда, с очень короткими стреловидными крыльями) или экспериментальный космический челнок (Ян не слышал, чтобы хоть один проект дошел до стадии испытаний, но откуда ему знать военные тайны).

Сзади у аппарата (Ян никак не решался назвать его самолетом или космическим кораблем) были три дюзы. Еще несколько, меньшего размера, были утоплены в бортах. Нос аппарата был разбит и погружен в холм грязно-серой пены. Сработал огнетушитель? Пена издавала едкий неприятный запах. Кое-где из-под нее подтекла вязкая темная жидкость, покрывшаяся на воздухе белесой пленкой.

Перед левым крылом был открыт люк, положим скатом легший на камни. Поверхность люка изнутри была шероховатой, не металлической, а скорее пластмассовой. На ней виднелись четкие рельефные символы – похоже, что буквы или цифры, но незнакомые.

В глубине аппарата слабо горел свет.

– Не наша техника, – сказал Ян.

Как только слова были произнесены вслух, ему стало легче.

– Рыжих? – спросила Адиан.

– Вообще не наша. Неземная. Инопланетная. Ты видишь эту надпись? Это же явно надпись! Но это не наша письменность!

Адиан молчала. Оглянулась – горные склоны были молчаливы и безлюдны.

– Инопланетный корабль, – повторил Ян. – Как в книжках. Не вовремя он прилетел.

Он взял автомат поудобнее и шагнул на рампу.

– Ян! – воскликнула Адиан.

– Жди здесь!

Ян вошел в узкий тамбур. Впереди был еще один люк или, скорее, дверь – открытая. Он вошел в нее и оказался в длинном узком отсеке, занимавшем переднюю треть аппарата. Похоже, что больше половины объема занимали двигатели и прочее оборудование... неудивительно, если это действительно космический корабль... но откуда он мог прилететь? Ученые клялись, что ни одна другая планета в системе не способна поддерживать жизнь, там слишком холодно или слишком жарко...

Внутри аппарата, кстати, было жарко. Но это была какая-то мертвая, остывающая жара – словно все системы выключились. В носовой части были какие-то экраны и, кажется, даже обзорные иллюминаторы, сейчас закрытые застывшей пеной. Перед экранами пульта (на некоторых горели тусклые индикаторы) и странные кресла, будто бы предназначенные, чтобы в них лежать. И еще кресла вдоль бортов – легкие, из трубок и шарниров, между которыми была натянута синтетическая ткань.

Удивительно – некоторые кресла выглядели привычно, на них можно было сесть. А другие – лежачие. Что это? Положения для пилотирования и для отдыха? Наверное, да. Разумно.

Еще были какие-то лючки и ящики в стенах (Ян не решился их открыть). Под потолком были закреплены конструкции, такие же легкие, как кресла, – Ян осмотрел их и подумал, что они могут быть раскладными каркасами для палаток или тентов.

Неужели действительно инопланетный корабль?

Ян подошел к пультам, глянул на них.

Одного взгляда была достаточно. Нет, конечно, он угадывал смысл почти каждой детали – кнопки, индикаторы, экраны, ручки управления. Но все это было столь чуждо, столь непривычно и неестественно!

Никто на планете, ни черные, ни рыжие, ни даже придуманные сочинителями древние пегие, не стали бы делать такие механизмы управления.

– Ян! – позвала снаружи Адиан.

Ян развернулся, осторожно, стараясь ничего не касаться, вышел. Увидел облегчение на лице любимой.

– Там никого нет, – сказал он. – Но там пульта, кресла, техника... Все странное. Это чужаки. Это кто-то из другого мира. Они приземлились неудачно и покинули свой корабль. Быть может, опасались взрыва – ты же видишь, у них разлилось топливо.

– Ян, ты не думаешь, что мы в опасности?

– Скорее всего, у них не ядерный, а химический двигатель, – сказал Ян. – И не похоже, что угроза взрыва сохранилась.

– Ян! Если пришельцы где-то рядом – они могут быть опасны!

– Почему?

– А почему бы и нет?

Ян упрямо покачал головой.

– Межпланетные войны невыгодны. Я читал книгу, там все было очень убедительно. Даже торговые полеты между планетами смысла не имеют, стоимость перевозки руды или товаров слишком велика! Имеет смысл лишь обмен знаниями.

– Исходя из наших представлений о космическом транспорте. А если им нужна наша планета?

– Она нам-то самим, похоже, не нужна! – не выдержал Ян. – Мы угробили свой мир, а не пришельцы!

– Ты уверен? – спросила Адиан. – Вспомни! Бомба, упавшая на столицу с орбиты! А если это была не бомба рыжих? Если эти... гости... спровоцировали войну?

Ян почувствовал, как чаще забилося сердце.

– Тогда мы обречены.

Он постоял на пандусе, глядя на скалы, сжимая цевье автомата.

Чужие?

Инопланетяне?

Высадились, разбились, вышли...

Вряд ли они далеко ушли в темноте. Скорее всего – укрылись в скалах, опасаясь взрыва. Так, чтобы видеть свой разбившийся аппарат.

Значит, сейчас они смотрят на него. И видят странное существо (вряд ли они похожи) с оружием в руках.

– Адиан, – сказал Ян. – Мне кажется, нам надо рискнуть. Сделать шаг навстречу.

– Кому?

– Не знаю, – ответил Ян. – Увидим.

Нагнулся и положил автомат на камни.

Поднял руки и помахал в сторону гор.

Адиан секунду смотрела на него, закусив губу. Потом тряхнула головой – и тоже опустила оружие на землю. Повернулась спиной к аппарату, взяла Яна за руку и взмахнула свободной рукой. Тихо сказала:

– Надеюсь, ты знаешь, что делаешь.

– Нет, не знаю, – ответил Ян. – Но это единственное, что я придумал. Рассчитывать на хорошее.

Они стояли так довольно долго – на холодном ветру, но под палящим с небес солнцем. Скалы молчали. Тут ничего не было, даже мелкой живности, даже птиц или грызунов – все либо мигрировало в теплые края, либо спало глубоким зимним сном. А они все махали и махали руками голым скалам, в слепой надежде, что кто-то отзовется.

– Либо не верят, либо не понимают, – сказала Адиан. – Или вообще никого тут нет.

И в этот момент среди скал что-то шевельнулось.

* * *

– Ты сошла с ума, – сообщил Криди, лежа среди камней. Он шурился, стараясь держать чужаков в прицеле, хотя с пистолетом шансов попасть все равно не было. – Это должен быть я. У меня лучше реакция.

– Зато я на них больше похожа, – ответила Анге.

Голова слегка кружилась, то ли она резко встала, то ли воздух чужого мира был непривычен. Она стояла, подняв вверх руки и ждала. Двое у разбившегося катера смотрели на нее. У них действительно было оружие, та особь, которую Криди опознал как мужскую, направила в ее сторону неприятно выглядящую штуку с длинным стволом. Вряд ли это научный прибор, верно?

– Мы пришли с миром! – крикнула Анге. Ученые считали, что звуковая коммуникация является основной у всех живущих в газовой среде существ. Конечно, возможна и радиосвязь, и тактильная, и зрительная, и даже обонятельная коммуникация, но все-таки обмениваться мыслями посредством звука информативнее и проще.

Вот только как воспримут существа ее голос? Как мирный или как угрожающий? Как невинный лепет беспомощного путешественника или рык злобного агрессора? Лингвисты говорили, что вначале надо прислушаться к разговорам местных обитателей, соотнести тональность с действиями, но у них такой возможности не было.

Существа переглянулись. Стрелять не начали – уже хорошо.

– Мы потерпели аварию! Мы нуждаемся в помощи! Мы никому не причиним зла! – еще раз повторила Анге.

Потом, стараясь двигаться как можно медленнее, сделала два шага к катеру, сняла с пояса пистолет и положила перед собой. Отступила обратно. И замерла.

* * *

– Какой странный голос, – сказала Адиан, глядя на пришельца. Сомнений не было, это существо пришло из другого мира. Похожее на людей, но с короткими волосами, с иначе гнувшимися ногами, с длинной шеей, да и вообще высокое, как минимум на голову превосходящее их народ. – Глухой. Очень четко разделены слова и фразы.

– И первое слово в каждой фразе повторялось, – ответил Ян. – Какой-то призыв? Или местоимение? Что бы ты сказала в такой ситуации?

– «Я не опасна», – мгновенно ответила Адиан. – «Я не враг вам».

– Угу, – Ян медлил, глядя как существо, грациозно нагнувшись, опустило что-то на камни и отступило назад. Предмет поблескивал на солнце. – Тебе не кажется, что это оружие?

– Тогда... – Адиан помедлила. – Тогда тебе тоже следует положить автомат.

– А если это ловушка? Способ разоружить нас?

Адиан промолчала.

– Оставайся здесь, – решил Ян. Опустил оружие, не выпуская его, впрочем, из рук. И пошел к пришельцу. Тот ждал.

С каждым шагом решение приблизиться казалось Яну все более и более опрометчивым. Существо стояло неподвижно и выглядело грациозным, даже хрупким. Но оно было выше, чем Ян. На нем был обтягивающий костюм, оставляющий открытыми лишь кисти рук и голову, под тканью проступали мышцы. Хрупкое или нет, но существо было сильным.

А еще у него были близко посаженные глаза – очень опасный признак. Оно старалось не двигаться, но, когда глаза поворачивались влево или вправо, на челюстях и шее едва заметно напрягались мышцы. Тоже верный знак хищника, готового в любой момент укусить.

Ян почувствовал приближающуюся панику.

Разум агрессивен.

Хищный разум агрессивен вдвойне.

– Все хорошо, – сказал Ян. – Все прекрасно, все хорошо.

Глаза существа заметались из стороны в сторону. Потом мышцы на лице дрогнули. И оно оскалило зубы.

Неприятные зубы.

Не для травы.

– Нет! – крикнул Ян в панике, охваченный атавистическим страхом, наследием древних предков, мечущихся по саванне на четырех ногах и отчаянно отбивающихся от свирепых охотников.

Он поднял автомат, сам не понимая, собирается ли стрелять, или всего лишь держать существо на прицеле.

И в тот же миг из-за спины человекоподобного существа возникло другое – взметнулось из-за камней, отдернуло человекоподобное, выставило вперед оружие, такое же небольшое, как брошенное первым на землю.

Это оказалось совсем другое существо.

Гораздо ниже ростом, Яну в лучшем случае по шею, все покрытое короткой черной шерстью, с острыми треугольными ушами, совсем уж близко посаженными узкими глазами, оскаленными зубами – мелкими и острыми, созданными, чтобы рвать мясо.

Это был хищник. Точно такой, как в старых книгах, как в учебниках биологии.

Новое существо низким глубоким голосом что-то рявкнуло, целясь в Яна.

На существе была короткая юбка и жилет с многочисленными карманами, в лапе оно сжимало пистолет. Оно говорило. Значит – разумно.

Но это был хищник.

Ян почувствовал, как у него подкашиваются ноги – и рухнул на колени. Ствол автомата ткнулся в камень.

– Ян... – где-то далеко-далеко закричала Адиан.

«Я ничего не могу сделать», – глядя в свирепые глаза хищника, подумал он. «Я ничего не понимаю. И я ничего не способен сделать. Даже бежать».

* * *

Вначале Анге показалось, что контакт идет прекрасно, по самым оптимистическим сценариям. Она опустила оружие на землю, она отступила назад, она сказала несколько простых фраз максимально спокойным голосом. И аборигены отреагировали. Женская особь осталась на месте, мужская пошла к ней, опустив ствол автомата. Позитивная реакция – желание контакта, отказ от непосредственного конфликта, защита женской особи.

Потом движение аборигена замедлилось. Он остановился, внимательно изучая ее лицо. Анге в свою очередь с жадным любопытством смотрела на чужака. Да, его ноги и впрямь заканчивались копытами. Лицо выдавалось вперед, глаза были разнесены очень широко. Травоядное разумное существо! Не такое крупное, как лошадь, но очень похожее, будь лошади прямо-

ходящими, – Анге даже стало неловко. Очень любопытно, биологи считали, что вероятность разума у существ, питающихся исключительно растительной пищей, невелика.¹

При этом абориген выглядел довольно милым. В детстве Анге смотрела сказочные видеоролики о разумных лошадках – все девочки в раннем возрасте их обожали. В роликах лошадки ходили на задних лапах, играли, строили города, летали в космос. Абориген был очень похож на созданных компьютером существ, только на передних лапах не было копыт, как в роликах, они превратились в руки и там были пальцы – по четыре пальца на каждой. Ну и кожа, которая в роликах была веселеньких цветов: голубая, розовая, фиолетовая, у существ была темно-коричневая. Черная как смоль грива волос на голове и темно-коричневая кожа... Куда реалистичнее, что уж тут говорить.

Абориген колебался. Смотрел на Анге и что-то его явно смущало. Что? По сторонам ничего не было, Криди надежно затаился позади...

Абориген заржал. Почти как развеселившаяся лошадка в детском ролике. Вот только ржание было модулированным, переливчатым – будто голос. Словно существо что-то произнесло, но на одном дыхании, так что звуки и слова сливались воедино.

Анге невольно улыбнулась.

Это произвело нехороший эффект.

Абориген снова заржал, на этот раз коротко, протестующе, Анге почти уверилась, что тот хочет сказать «нет». И поднял автомат.

Криди выскочил из-за камней, словно подброшенный пружиной. Оттолкнул ее, наставил на аборигена ствол пистолета. Анге, пытаясь удержаться на ногах, в ужасе задержала дыхание. Ей казалось, что сейчас уж абориген точно нажмет на спуск и его оружие выстрелит – пулями, лазерным лучом или еще каким-нибудь смертоносным зарядом...

Но появление Криди возымело совершенно неожиданный результат. Абориген как подкошенный рухнул на колени, оружие вывалилось из его рук.

Абориген, оставшийся у катера, коротко и переливчато заржал. И бросился к ним.

– Уходим! – крикнул Криди, переводя ствол с упавшего аборигена на приближающегося. Времени на размышления не было.

– Нет! – закричала Анге. – Опустить оружие! Положи пистолет!

– Что? – возмутился Криди.

– Положи оружие! Закрой рот, не скалься! Они тебя боятся, ты хищник! Они – травоядные!

Против ожиданий Криди мгновенно положил пистолет на камни. И начал смеяться, прикрывая рот лапой.

– Да он... своим копытом... может из меня дух выбить!

Не слушая его, Анге опустилась на камень перед аборигеном. Заглянула ему в глаза – зрачки были необычные, почти квадратные. Заговорила, пытаясь соединять слова между собой и поймать переливчатый тон их речи.

– Мы пришли миром, мы не причиним зла, мы не враги...

– Если что, у меня второй пистолет за поясом, – сказал Криди. – И как только...

Он многозначительно замолчал.

– Они – наш единственный шанс тут выжить, – ответила Анге. – Не наседай на них, Криди. Само наше появление для них шок. А уж тем более – наш вид!

Она замолчала, глядя на аборигена. Говорят, что мелкие зверьки могут умереть от страха, когда их ловит хищник. Не случилось бы такого и с этими существами, даром что крупные.

Абориген внезапно открыл рот, ткнул себя в грудь рукой и тихо пропел:

¹ Неварские «лошади» размерами были ближе к земным пони. Но, в отличие от них, использовались в основном не как рабочие животные, а разводились с целью получения молока и мяса. Видимо это и вызвало неловкость Анге.

– Яяяя...

Анге потребовалось мгновение, чтобы догадаться.

– Анге... – тыча себе в грудь, сказала она.

Второй абориген уже стоял рядом, держа оружие наизготовку, но не целясь. Будто два бдительных стража, охраняющие парламентариев, абориген и Криди замерли рядом с ними.

– Всебудетхорошо, – сказала Анге, пытаясь подражать ржанию существ.

Абориген фыркнул, словно попытки Анге подладиться к их речи его насмешили. И довольно отчетливо сказал:

– Мы... пишли... миом...

– А у него способности к языкам получше твоих, – сказал Криди одобрительно. – Только с «эр» проблемы.

* * *

Ксения, Третья-вовне, лежала на койке в своей каюте. Устройство связи, шарик размером с апельсин, было крепко сжато в ее руке. Тяжелый, мягкий, белый – почему она сравнила его именно с апельсином? Совпадали только форма и размер. Вес, плотность, цвет и содержимое никак не коррелировали с земным фруктом. Ксения размышляла над этим уже вторую минуту.

Людам нужны сравнения и аналогии, пусть даже поверхностные. Они не умеют принимать реальность такой, какая она есть в настоящий момент. Вот и она назвала *гиперпространственную скрутку* апельсином – какая ирония! Творение высочайших технологий, квантовая нить, существующая в нереальности и принявшая форму белого сфероиды – апельсин! Почему?

Память услужливо подсказала древний человеческий анекдот про жителя севера, побывавшего на юге и пытающегося объяснить соплеменникам, как выглядит апельсин. «Тюленя знаешь? Ну так вот, апельсин совершенно не похож!»

Может быть именно отсюда корни ассоциации?

Тогда она очень опасно очеловечилась.

Ксения вздохнула. В ее руке – устройство связи. Мягкий белый шар. Неважно, как он действует, он позволит ей говорить с Ракс.

Ксения закрыла глаза и сжала шар в ладони. Ощутила легкое тепло.

– я слушаю тебя третья вовне

– Мать, у меня есть вопросы.

– ты называла матерью вторую на ракс

– Да.

– я первая на ракс вторая на ракс в цикле

– Я буду звать тебя «тетушка».

Пауза. Молчание пространства.

– тебе стали нужны ярлыки

– Да, тетушка. Человеческое тело – оно управляет мной.

– сочувствую третья вовне но тебе еще надо работать

– Я готова, тетушка. Ты ответишь на вопросы?

– задавай

– Реальность восстановлена успешно?

– мы сравнили все реперные точки искажений нет

– Что было причиной искажения?

Снова тишина.

– у нас нет точных данных третья-вовне

– Версии?

- только одна
- Ксения лежала, глядя в темноту.
- Что мне делать, тетушка?
- первая вовне получила инструкции
- Какова будет судьба «Твена»?
- используй корабль и экипаж для получения информации их судьба вторична
- Они достойны знания, тетушка.
- лишнее знание пугает их ценность не увеличится от испуга
- Я буду беречь их по возможности, тетушка.

Пауза. Неожиданно долгая.

- Тетушка?

- занята ответ позже ракс всегда

Ксения ждала еще несколько секунд. Потом прошептала одними губами.

- Ракс всегда Ракс.

Устройство связи распалось в белую пыль.

Ксения открыла глаза и села на койке.

Все было еще хуже, чем она думала. Ксения до последнего надеялась, что причиной сбоя реальности стал Ракс. Но версия, увы, оказалась «только одна».

Вообще-то она была одна все миллионы лет и тысячи циклов существования Ракс.

А еще Ксении не нравилось, что Первая-на-Ракс прервала разговор.

Что могло помешать ей, с практически неисчерпаемыми ресурсами, попрощаться должным образом?

Неужели Первая-на-Ракс уже относится к ней как к чужаку?

Почувствовала ту степень очеловечивания, которую ощутила и сама Третья-вовне?

Все было плохо.

* * *

Валентин подумал, что все наконец-то начинает складываться хорошо.

Они стояли в шлюзовой зоне стыковочного узла. Последние секунды стабилизации гравитационных полей – и они встретят с Первой-вовне.

На этот раз Валентин сам пошел на станцию. Как и Матиас в прошлый раз, он взял с собой лишь ученых, и для того, чтобы подчеркнуть мирный характер экспедиции, и для сохранения корабля в максимально работоспособном состоянии. По левую руку от Валентина стояли Бэзил и Мэйли, по правую – Уорл и Двести шесть – пять со своим симбионтом. Ксения, не взяв которую было попросту невозможно, стояла чуть впереди. Она здесь была не в гостях, а дома...

Двести шесть – пять был самым сложным спутником. Валентин не знал, какотреагирует Первая-вовне на спасение существа из другой реальности. Но оттягивать момент истины было глупо. Проще сразу расставить все точки над «i».

Люк открылся, мигнув зеленой подсветкой, и они увидели переходной тамбур станции – белый, стерильный, с парящими от конденсирующейся влаги стенами. Первая-вовне уже ждала их – высокая, красивая, похожая на человека женщина. Точная копия той, кого Валентин убил на Неваре.

И, к удивлению Валентина, Ракс двинулась навстречу и сама вошла в корабль.

- Разрешите взойти на борт, командир? – спросила Первая-вовне.

– Разрешаю, – сказал Валентин. Без колебаний протянул руку – и они с Ракс обменялись рукопожатиями.

– Зовите меня Первой-вовне или Примой, как и ранее. Еще раз повторю, этот облик не призван вас шокировать, – сообщила Ракс. – Я хочу донести до вас тот факт, что реальность удивительно пластична. Вам нет нужды переживать из-за свершившегося в ином мире.

Валентин кивнул. Вблизи женщина уже не казалась человеком – слишком длинные ноги и шея, из зубов были видны лишь клыки, резцы отсутствовали напрочь. Интересно, какой тип питания мог сформировать такой организм?

– Я также сочла правильным войти на борт вашего корабля в знак своего глубочайшего уважения, – продолжала Первая-вовне. – Побывать в иной версии нашей Вселенной и вернуться – это редчайший случай.

Ее взгляд опустился на Двести шесть – пять. Валентин видел, что Феол нервничает – симбионт во лбу едва виднелся, будто пытался спрятаться в черепном канале.

– Ваше появление здесь, уважаемые Двести шесть – пять и Толла, – продолжала Первая-вовне, – еще более уникально. Оно не несет непосредственной угрозы реальности, но вызывает определенный морально-этический конфликт.

– Кто я в этом мире? – спросил Двести шесть – пять.

– О, ваша судьба практически не изменилась. Вы – созерцатель агрессии. Но, в силу мирного характера цивилизации Невара, вы занимаетесь изучением других примитивных обществ.

Двести шесть – пять кивнул. Кажется, он был доволен.

– Ракс настоятельно просит вас, Двести шесть – пять, не возвращаться более на материнскую планету и не контактировать со своим двойником, – продолжила Первая-вовне. – Это уменьшит последствия до приемлемых. Вы согласны?

– Вполне, – быстро ответил Феол.

– Тогда вы будете жить, – сказала Первая-вовне с улыбкой.

На взгляд Валентина – шутка была так себе. Однако судя по Двести шесть – пять, Феол был доволен, на лице Бэзила промелькнула тень облегчения, а Уолр одобрительно закивал.

Первая-вовне не шутила.

– А теперь, если это возможно, я бы попросила разрешения поговорить со всеми членами экипажа и научной группы «Твена», – сказала Прима.

– Вы приглашаете нас на станцию? – уточнил Валентин.

– Если возможно, то я бы предпочла вести разговор на борту вашего корабля.

Валентин не увидел в этой просьбе ничего удивительного. Ответная любезность, любопытство, проявление дипломатии... Но Ксения вздрогнула, Уолр издал удивленный смешок, а Двести шесть – пять будто бы попытался втянуть голову в плечи.

– Боюсь, что я попрошу объяснений, – сказал Валентин. – Судя по поведению моих товарищей, эта просьба не совсем обычна.

Англичанин и китайка, похоже, ситуацию не понимали. Уолр вздохнул, грузно переступил на месте и изрек:

– Многоуважаемые Ракс никогда не посещают чужих планет, поскольку там, где был Ракс, будет Ракс. В отношении чужих космических кораблей и станций правила не столь строги.

– Но тоже налагают на Ракс некоторые ограничения и должны иметь под собой основания... – пробормотал Двести шесть – пять. И замолчал, будто боялся ляпнуть лишнего.

– Объясни, Третья-вовне, – сказала Прима.

Ксения посмотрела на командира.

– Я прибыла на земную орбитальную станцию и ваш корабль, поскольку была специально... специально выбрана для миссии «Твена». Но Прима выбрана для нахождения на станции в системе Невара. Поскольку станция функционирует нормально и в эвакуации нет необходимости...

Она на миг замолчала, глядя на Приму. Та кивнула.

– То причина может быть лишь одна. Прима желает обратиться к экипажу и ученым с очень важной просьбой, которая поставит вас в неудобное положение и обременит многими тяготами. Подобную просьбу нельзя высказывать, находясь на своей территории и обладая преимуществами хозяина.

Валентин растерянно развел руками.

– Это очень, очень трогательно и достойно! Уважаемая Прима, я буду рад принять вас на корабле, и мы, конечно же, выслушаем просьбу и постараемся помочь...

– Вы не поняли главного, Валентин, – сказала его Ксения. Посмотрела на остальных, словно призывая поддержать ее.

– Сама необходимость Ракс просить чего-либо у людей... – Уолр развел руками. – Не обижайтесь. У Халл-три, у Халл, у Феол, у Ауран – они тоже ничего никогда не просили.

– Но откуда тогда... – начал Валентин.

– Ходят слухи... что однажды они обратились с просьбой к Халл-два, – сказал Уолр.

– Халл-два не существует! – воскликнул Валентин.

Повисла неловкая тишина.

– Вот именно, командир, – сказала Ксения.

Валентин глубоко вздохнул. Представил себе огромный круизный лайнер, летящий между звезд. Себя, с шевронами первого помощника. Проблемы уровня «пьяный турист буянит на прогулочной палубе» или «кондиционеры в трюме работают на желтом уровне экономичности, разрешите повысить температуру на полградуса?» Скучающих дам, желающих романтической интрижки с первым помощником. Веселый треп в офицерском салоне по вечерам – ну, если скучающие дамы не окажутся уж очень скучающими...

– Прошу вас посетить нашу кают-компанию, – сказал он. – Я готов выслушать вашу просьбу, Прима.

Глава четвертая

– Невероятно, – прошептал Ян.

– Что именно? – спросила Адиан. – Ты про прибор?

Они сидели метрах в десяти от корабля. Женщина-инопланетянка, которая более походила на человека, принесла из корабля рулон тонкой ткани – расстеленная на камнях, та хорошо держала тепло. А ее странный спутник... хищный спутник... принес удивительное устройство – плоский экран, который не требовал внешнего источника энергии и, похоже, содержал внутри целый компьютер! Казалось бы, для цивилизации, покорившей космос, это должно быть мелочью, но Яна эта «мелочь» поразила куда больше космолета. С такими приборами можно сделать... да что угодно можно сделать! Рассчитать траектории, построить чертежи без ватмана и кальки, поддерживать видеосвязь на расстоянии.

– Нет, – сказал Ян. – Не только. Ты поняла, что мне показал... – он запнулся.

– Что показал хищник?

– Именно.

– Поясни.

Ян вздохнул. С некоторым трепетом протянул руку и нарисовал в воздухе над экраном круг. Жутковатое создание оскалилось (это улыбка! Это только улыбка, ничего более!) и коснулось нескольких нарисованных на экране кнопок. Неведомым образом это запустило видеоролик.

– Думаю, это подготовлено заранее, – сказал Ян. – Для контакта.

На экране появилось звездное небо. Потом одна звезда стала укрупняться – и вокруг нее стал виден целый рой планет. На одной планете (изображение приблизилось, но обрело условность масштабов и начертаний) жили существа, похожие на женщину-инопланетянку. На другой – существа, похожие на пушистого чужака.

– Представляешь, они с разных планет, – прошептал Ян благоговейно. – Не мужская и женская особь одного вида, как ты предположила. Это разные виды с разных миров!

Вот существа построили ракеты и запустили их в космос.

Вот они встречаются и начинают вместе исследовать другие планеты, селятся на них.

Вот они строят на орбите что-то грандиозное, необычное.

Вот это необычное, оказавшееся огромным космическим кораблем, устремляется в космос, покидает звезду, приближается к другой звезде, выходит на орбиту вокруг планеты.

Вот от большого корабля отделяется маленький – выглядящий как разбившийся корабль, и тот приземляется. Из него выходят несколько фигурок. Машут руками.

– Что-то пошло не так, – сказал Ян. Посмотрел на хищника, указал на разбитый корабль, потом на хищника и его длинноногую спутницу, на экран. Развел руками.

Хищник заворчал. Коснулся экрана. И – тот будто превратился в грифельную доску. Легкими движениями когтя, выскользнувшего из коротких пальцев, хищник нарисовал корабль и садящихся в него двоих путешественников – себя и спутницу. Потом стер фигурки, пририсовал облака – корабль мчался над планетой, а под ним вставал ядерный гриб.

– Ваша работа? – спросил Ян, тыча в гриб.

Хищник понял. Издал звук недовольный и даже возмущенный. Показал на Яна.

Ян сокрушенно прижал ладонь к лицу.

Хищник тронул его плечо лапой.

– Нам надо выработать язык, – сказал Ян. – Но... но у нас нет времени. Мы должны найти детей.

Он взял экран и схематично нарисовал себя и Адиан. Потом – две фигурки вдали. Прочертил линию.

Узкие глаза прищурились. Хищник привстал – все равно, конечно, он оставался невысоким, но что-то в нем решительно отвергало любые аналогии с ребенком. Осмотрелся – и показал вниз рукой... то есть лапой... вниз по перевалу.

– Да! – сказал Ян. – Нам надо идти туда!

Он нарисовал на экране солнце. Потом палочку. Любое существо, у которого есть пальцы, начинает свой счет с них. И писать цифры начинает, рисуя пальцы. Так что первые цифры должны иметь одинаковое начертание для всех существ во Вселенной.

(Сам того не зная, Ян сделал гениальную догадку, на Земле впервые озвученную только в двадцать первом веке. Практически все гуманоидные цивилизации имели сходное обозначение первых трех цифр – во всяком случае древнейшее).

Хищник заворчал. Взмахнул лапой, описывая дугу по небу.

– Да, – сказал Ян. – Мы отстаем примерно на один день!

Удивительно, но с этим существом, столь непохожим и опасным, было куда проще общаться, чем с человекоподобной женщиной. Как-то одинаково у них с Яном работали мозги. Может быть, дело в том, что они мужчины? И потому мыслят сходно?

Ян достал из рюкзака сушеную траву, отщипнул немного. Подумав, протянул брикет с любопытством наблюдающему за ним хищнику. Тот ожидаемо зафыркал, не то возмущаясь, не то смеясь.

Высокая женщина что-то ему сказала. Подошла, взяла из рук Яна чуть травы. Посмотрела на нее без энтузиазма, но бросила в рот и пожевала. Выплюнула. Что-то сказала и развела руками.словно извинялась.

Ян развел руками.

Женщина и хищник завели между собой быстрый разговор. Хищник, кажется, настаивал, женщина сомневалась. А, может быть, нет, может быть, их интонации были совершенно противоположны?

Хищник повернулся к Яну. Ткнул в него лапой.

– Янн...

Ян кивнул. Чужаки пытались знакомиться.

– Криди...

– Киди, – повторил Ян. – Кииди... Клиди...

Один из звуков, который издавал хищник, был очень трудным. Ян его слышал, но воспроизвести никак не мог.

– Клиди, – сказал хищник и махнул лапой, будто смирился. – Янн. Клиди. Янн – Клиди. Он указал на женщину и произнес, тщательно выговаривая звуки:

– Анге...

– Анге, – это имя далось легче. Женщина просияла. Сказала, будто подсказывая:

– Идди...

– Янн идди Клиди... – проговорил Криди.

– Он тебя с собой зовет, – догадалась Адиан. – Ян идти Крьиди...

У нее имя хищника получилось почти правильным.

Ян послушно двинулся за Криди, оставив Анге с Адиан. Хищник провел его через люк внутри разбитого корабля. Издал печальный долгий вздох, глянув на пульт. Потом ловко поднялся-вскочил на одно из кресел, открыл лючок под потолком. Извлек оттуда две свернутые ленты с нашитыми на них туго набитыми кармашками, одну взял себе, одну протянул Яну. Посмотрел с любопытством.

Ян развернул ленту. Открыл карман – тот был на простом клапане с пуговицей-клепкой. Внутри кармана оказалось что-то вроде портативной отвертки.

Да нет, не что-то! Явно отвертка! Странная семигранная головка, но...

Ян поднял отвертку и сделал вид, будто что-то откручивает.

Криди издал одобрительный мяукающий звук.

– Да ты инженер, братец! – сказал Ян, неожиданно для самого себя. – Вот оно что!

Вслед за хищником он опоясался лентой-ремнем, с удовольствием ощутив на поясе тяжесть инструментов.

Неужели чужаки хотят починить свой корабль?

И неужели ему удастся в этом поучаствовать?

* * *

Каким бы ни было удовольствие Тедди от того, что кадетов пригласили в кают-компанию на встречу с Первой-вовне (одного этого хватило бы на пару лет разговоров и хвастовства в космошколе), но происшествие с искином не шло у него из головы.

В телевизионном фильме или приключенческом романе герои в такой ситуации долго мусолили бы происходящее. Но, по мнению юного системщика, все было понятно.

В ядре личности Марка происходили какие-то непредвиденные изменения. Пока Марк работал в связке со вспомогательными искинами – он гасил их реакцию на свои изменения. После запущенного теста «два – эс» (ничего подозрительного не выявившего) оставшиеся на четверть часа свободными от контроля вспомогательные контуры, сравнив свои данные, пришли к выводу, что Марк нестабилен и опасен.

Они принялись сигнализировать системщику – ему, Тедди, единственным способом, который Марк не контролировал. И сумели выдать информационную цепочку, в которой перечисляли трагические даты истории – добавив в нее год создания Марка-1. Тот год, когда человечество начало движение к созданию искусственного интеллекта.

Все просто и ясно. Крик о помощи. «Марк опасен!»

Отчего Марк мог пойти вразнос?

Тут, увы, сомнений тоже не было. Тедди волею влез в его сознание и задал три новые доминанты – противоречащие как приказам командира, так и начальным установкам сознания. Это спасло корабль и, на первый взгляд, не вызвало изменений в поведении Марка.

Но что, если измененная психика искина продолжает медленно расплзаться? Что, если разрешение убивать во имя защиты корабля начинает трансформироваться в разрешение убивать во имя своей защиты? Что, если искин сделал заключение о равноценности своей личности и человеческой? Или даже о своем превосходстве – ведь он спас корабль в ситуации, когда никто из людей не успел бы отреагировать?

Тедди прикрыл глаза. Он не хотел использовать электронную периферию – Марк увидит то, что он смотрит. Он рисовал схемы и потоки в уме. Упрощенно, конечно же, но он уже видел как минимум два проблемных места в сознании искина: паразитный цикл в ядре подчинения и фальшивое зеркало в лабиринте отражений целеполагания.

Жуть.

По-хорошему Марка надо перезапускать. Но такие действия надо согласовывать с командиром.

Или придумать убедительный повод?

Нет, это не поможет. Перезапуск искина – чрезвычайное событие. Тем более, если системщик – малолетний кадет. На Земле сознание Марка изолируют, заморозят и проверят до последнего байта суперискинами космоверфи. Искин Адам, с его сто четвертым циклом ядра, выпотрошит Марка и обнаружит все следы вмешательства.

Тедди вылетит из Флота с таким скандалом, что и через полсотни лет его примером будут пугать других кадетов.

Прости-прощай, Космос! Здравствуй, мамина ферма. Здравствуйте, папы! Я вернулся домой, буду тракторам мозги крутить...

«Я должен все решить сам», – подумал Тедди.

– Ты спишь, малыш?

Тедди открыл глаза, поглядел на Люцию.

– Сама соплюха. Я не сплю, я думаю. Потом объясню тебе, что это такое.

– Бе-бе-бе, – засмеялась Люция, усаживаясь рядом. – Не дуйся, я любя.

– Угу, – сказал Тедди без особой веры. – Как там твои вентиляторы и кастрюли?

Как ни странно, Люция не обиделась.

– Все в порядке. Я готовлю на ужин утку в брусничном соусе, фаршированную яблоками.

– Синтетическая?

– Обижаешь. Натуральная, из заморозки.

– Я в деле, – сказал Тедди.

В кают-компанию вошли доктор Соколовский и профессор Ван. Женщина на что-то жаловалась доктору, тот бормотал что-то успокоительное. Может быть, в силу профессии, а, может быть, по причине возраста, пан Соколовский незаметно стал в экипаже тем, к кому все прибегали поплакаться и посоветоваться.

Тедди подумал, что в этом есть смысл. Ни суровому Горчакову, ни еще более строгой Мегер он признаваться в содеянном не хотел. А вот старый поляк чем-то напоминал мальчику дедушку по второму папе. Может, и стоит посоветоваться.

Последним в кают-компанию вошли командир и Первая-вовне. Тедди уже знал, что в правильной реальности Ракс приняла облик инопланетной женщины, которую командир застрелил во время высадки на Невар, видел ее на экране. Но сейчас, наблюдая ее воочию, невольно поежился. Высокая, красивая, при этом все же не совсем похожая на человека, Прима выглядела восставшей из мертвых, пришедшей на корабль, чтобы отомстить.

– Экипаж, научная группа... благодарю, что вы собрались, – сказал Горчаков, будто допускал иной вариант. – Уважаемая Первая-вовне хочет обратиться к нам с просьбой. И с разъяснениями происходящего.

Прима посмотрела на командира, приподняв бровь. Видимо, насчет разъяснений у них договора не было.

– Просьба цивилизации Ракс, которую озвучит Первая-вовне, серьезна и опасна, – продолжал командир. – Поэтому я уверен, что мы должны принять решение совместно, с полным пониманием происходящего.

Он повернулся к Ракс.

– Да, вы правы, командир Горчаков, – неохотно сказала Прима. – Это справедливо.

– Тогда вам слово, – Горчаков сел в свое кресло. Прима осталась стоять, оглядывая людей и представителей иных видов.

– Вы имеете право знать, – сказала Прима. – Итак...

Она помолчала, то ли собираясь с духом, то ли пытаясь продумать свою речь.

– На протяжении миллионов лет Ракс заботится о разумных видах нашего района Галактики. Говоря «миллионы», я не очень точна, потому что речь идет об условном времени, затраченном Ракс на работу. О времени, прожитом Ракс в различных версиях реальности, а не о прямом ходе времени.

– Вы правите реальность, – сказал Валентин. Без осуждения, впрочем.

– Не совсем, – сказала Прима. – Ракс возвращают реальность к норме. Любая жизнь несет в себе двойственность – необходимую для развития агрессию и способность к мирному сотрудничеству. По мере того, как жизнь обретает и развивает разум, она все более и более склоняется к миру. В этом нет ничего необычного. Это логика. Существовая в открытой системе, а Вселенная так велика, что мы можем считать ее бесконечной на своем нынешнем этапе развития, разум имеет массу возможностей для проявления активности. Внутренняя агрессия, как и агрессия по отношению к другому разуму, непродуктивна.

Матиас шумно вздохнул:

– Уважаемая Прима, к сожалению, ваши слова не подтверждаются практикой. В двадцатом веке человечество пережило две чудовищные мировые войны и сотни малых конфликтов. Мои предки и предки командира убивали друг друга на полях сражений, это печальный факт истории.

– Вы правы лишь отчасти, – сказала Прима. – Период смертоубийственных сражений характерен для всех цивилизаций, но он длится не более одного-двух веков. Если его преодолеть – наступает мир. Мы назвали это проблемой пятого уровня – барьером, который стоит на пути любой разумной жизни. Ракс... в силу ряда причин... решили противостоять этой ситуации. В нашем собственном развитии тоже были... ошибки. Мы несем прямую ответственность за гибель как минимум двух разумных цивилизаций. Прямую, а не косвенную, как в ситуациях с исправлением реальности в целом.

Тедди слушал, затаив дыхание. Первый раз, насколько ему было известно, Ракс сообщали хоть что-то, относящиеся к их цивилизации!

– Ракс сумели создать систему, которая позволяет нам исправлять прошлое. Машина времени, как вам уже объясняла Третья-вовне, слишком опасна, чтобы использовать ее для исправления истории. Ракс запретили себе ее создание. Но наша система перемещений, позволяющая убирать из реальности физические объекты на всем протяжении времени, тоже годится. Ракс создали вынесенные базы знаний о Вселенной – их три, и в каждый момент времени в нашей реальности находится лишь одна из них. Это позволяет нам проводить коррекцию истории и сравнивать ее результаты с двумя эталонными базами.

– Мы уже поняли, – кивнул Валентин.

– Вначале мы сосредоточились на спасении первой цивилизации, в гибели которой были повинны, – продолжила Прима. – Это было наиболее сложно, поскольку затрагивало нас напрямую. Их спасение могло убить нас. Но Ракс обошли эту проблему. Вина была искуплена.

– Кто это был? – вкрадчиво спросил Уолр. – Право, интересно!

Похоже, этот вопрос занимал всех – Двести шесть – пять кивнул, Бэзил снял и начал быстро протирать очки, по креслам прошло шевеление.

– Ответ не важен, – сказала Прима. – Потом мы занялись другими разумными видами. Иногда это происходило легко. Иногда сложно. Несколько цивилизаций прошли уже сотни циклов правки, но нам не удастся сохранить их. На данный момент есть пять цивилизаций, которые с нашей помощью преодолели порог развития. И одна – которая погибла. Халл-два.

– Почему вы не спасли наших братьев? – спросил Уолр.

Прима помолчала.

– Мне очень жаль. Для того, чтобы коррекция истории была возможной и безопасной, обе цивилизации не должны быть межзвездными. Мы можем проводить коррекции лишь потому, что занимаем одну-единственную планету. Как только объект коррекции выходит за пределы своей системы, последствия вмешательства становятся непредсказуемыми.

– Значит, с момента вступления в Соглашение мы все живем сами по себе? – утончил Валентин.

– Да. Халл-два были развитой культурой, активно осваивающей космос. В отличие от Халл-один, Халл-два отличались открытостью, стремлением к новизне и авантюризмом.

– Как и мы, – сказал Уолр. – Но ведь цивилизация Халл-два погибла при использовании двигателя с варп-приводом! Они едва-едва заселили две планеты у одной звезды, им было не до авантюризма и освоения дальнего космоса! А наш мир в результате этой катастрофы отбросило на сотню световых лет от Халл!

– Это реальность, которую знаете вы, – сказала Прима. – Настоящая была другой. Халл-два активно развивался на протяжении более сотни лет. Они находились в хороших отношениях с Халл, сотрудничали с нами, но были очень активны. Мы имели большие виды на них и

мы, фактически, убеждали их оставаться в одной звездной системе. Они оставались, но постоянно путешествовали в иные миры. Именно они первыми обнаружили корабль Стирателей.

Она обвела всех задумчивым взглядом, будто ожидая вопросов. Но все ждали. Лючия непроизвольно прижалась к Тедди и тот, несмотря ни на что, наслаждался моментом.

– Никто в этой реальности не слышал этого термина. Никто, кроме Ракс, – продолжила Прима. – Мы считали и считаем самоубийства цивилизаций неким природным феноменом. Болезнью роста. Критическим моментом, рубежом, перейдя который разумные существа переживают свою агрессивность. Есть даже теории о том, что само мироздание сопротивляется развитию разумной жизни. Но Халл-два...

Она помедлила.

– Они много работали над собой. Куда больше, чем даже Халл-три. Полностью утратили почвенную фазу жизни. Стали мельче, подвижнее, активнее, любопытнее. Мы не раскрывали им свои тайны, но Халл-два сами начали опекать менее развитые цивилизации. Другими методами – шли на контакт, дарили технологии, учили мирной жизни. Они были очень хорошими опекунами. И как подобает хорошим опекунам – слегка подозрительными. Их корабли и обнаружили чужой корабль, появившийся у одной из подопечных планет. Корабль не пошел на контакт, а при попытке сближения попытался уйти. Более того, планета оказалась опустошена ядерной войной. Теоретически у аборигенов мог случиться конфликт, но это считалось крайне маловероятным. Халл-два заподозрили чужой корабль во вмешательстве, сообщили нам о происхождении и попросили помощи. Вторая-вовне переместилась к планете, вместе с кораблями Халл-два попыталась остановить чужака и вынудить к контакту. Тогда корабль вышел на связь и передал всего лишь одну фразу. «Вы должны быть стерты». После этого мы оказались в реальности, не совпадающей с резервной копией. В этой реальности корабли, участвовавшие в конфликте, никогда не были созданы, а их экипажи не родились – что нанесло значительные изменения всей культуре Халл-два. К счастью, как раз начинался цикл проверки, и мы обнаружили расхождение. Стало понятно, что «Стиратель», вступив в схватку, случайно или намеренно применил тот же самый метод, который использовали мы. Вмешался в прошлое Халл-два и опосредованно в наше собственное. Нас напугала легкость и быстрота, с которой это произошло, но мы сочли это случайностью. И приняли вызов.

Прима опять на миг замолчала.

«Она же не историю рассказывает!» – вдруг подумал Тедди с замиранием сердца. «Она вспоминает!»

– Мы нанесли ответный удар, – сказала Прима. – Мы откатали реальность назад, создав ситуацию, при которой появление корабля Стирателей в данной точке пространства в данный момент времени было невозможно. Это была нестандартная задача, поверьте, ведь мы не можем путешествовать во времени. Но мы справились, и реальность вернулась в норму. У нас было около трех недель времени, после которых астрофизическая обстановка могла позволить кораблю Стирателей вновь появиться в этой точке пространства. Мы вышли на контакт с руководством Халл-два и рассказали им все.

«Что же они сделали?» – подумал Тедди. «Раскошегарили звезду так, что находиться на орбите стало опасно? Взорвали какую-то планету и засеяли космос в этой точке астероидами?» Но похоже было, что Прима не собиралась рассказывать детали.

– Мы допускали, что Стиратели используют наш метод изменения реальности в качестве оружия, – продолжала Прима. – Халл-два предложили свой флот для атаки и захвата корабля – если он вновь вернется к их подопечному миру. И категорически воспротивились тому, чтобы мы напрямую участвовали в конфликте. Их логика была понятна – мы были единственными, кто мог полноценно исправлять реальность. В случае необходимости – спасти, возродить их. Мы согласились. Мы передали им технологии, которые могли быть использованы в бою. И стали ждать. Чужак появился, как только пространство в системе стало доступным для пере-

мещения. Похоже было на то, что они тоже сохранили память о случившемся и ждали боя. И... все пошло плохо. На этот раз его вмешательство в прошлое Халл-два стало поистине фатальным и затронуло нас. Мы обнаружили, что находимся в состоянии войны с агрессивной цивилизацией Халл-два, захватившей уже десяток планет. Те, кого Халл-два раньше опекали, стали их рабами и пушечным мясом. Халл-один тоже подвергся ударам своей бывшей колонии.

– И вы стерли Халл-два, – сказал Уолр.

– Да. У нас не оказалось иного выхода. Просчитать все данные для исправления цивилизации, живущей у десятка звезд, было уже невозможно. Мы откатали реальность так далеко, что цивилизация Халл-два исчезла в самом начале своего становления, но зато возникла ваша культура.

– А корабль Стирателей? – спросил Уолр.

– Мы устроили ловушку. Мы вновь дождались его появления. И свернули всю эту зону пространства.

– Коллапсар? – не удержался от вопроса Алекс. Покосился на Тедди. Тот заметил его взгляд и слегка отстранился от Лючии. Еще не хватало, чтобы приятель ревновал попусту!

Лючия тоже отодвинулась от него и откинулась в кресле, всем видом демонстрируя, что поглощена рассказом Примы.

– Нет. Мы уничтожили саму реальность, относящуюся к этой звездной системе вместе со всеми объектами, которые там находились. Стерли все. Вместе с кораблем Стирателей.

– То есть вы уничтожили Халл-два из-за одного корабля? – уточнил Уолр.

– Не уничтожили. Мы сделали так, что варп-привод перенес их планету вместе со звездой на противоположный край Галактики. Они должны быть живы. Мы надеемся, что их культура развивается и процветает. Для нас они более не существуют, слишком далеко. Но на нас лежит ответственность за гибель их подопечной планеты – ее мы спасти не смогли.

– И что потом? – спросил Валентин. – Прошло больше тысячи лет, но ведь цивилизации продолжают гибнуть!

– Мы больше не фиксировали появления подобных кораблей, – сказала Прима, будто извиняясь. – Мы не знаем, кто или что на нем находилось. Нет никаких оснований считать, что другие случаи имеют сходную природу! Мы засеяли космос своими зондами. Мы следим за планетами. Изменений реальности не было!

– Или вы их не замечали, – внезапно сказала профессор Ван. – Одно дело, когда вы стараетесь развить цивилизации и пристально их контролируете. Это ведь требует чудовищной вычислительной мощи и огромной базы данных! А если незаметно подкрадываться к планете, которая уже обладает потенциалом для самоуничтожения, и проводить крошечное вмешательство? Один-единственный правитель вдруг обнаруживает черты психопата – и нажимает на красную кнопку! Как вы отследите тот момент, что в глубоком детстве его, к примеру, слишком сильно наказали и он возненавидел весь мир? Или слишком избаловали, и он решил, что ему все дозволено?

– Никак, – признала Прима. – Когда мы видим случившуюся беду, мы ищем ее корни. Если получается найти – изменяем произошедшее. Но к войне или катастрофе ведут миллиарды дорог. Мы не можем запомнить и зафиксировать все детали реальности, для этого нужно иметь запасную Вселенную.

– То есть вы обнаружили, что существует как минимум один корабль, – вступил в разговор Двести шесть – пять, – который без колебаний уничтожил разумный мир, а потом попытался изменить реальность! И, ценой огромных усилий и жертв, стерев этот корабль, – успокоились? Как будто корабли не имеют обыкновения прилетать с планет!

– Мы даже не знаем, является ли корабль Стирателей кораблем! – ответила Прима. – Возможно, это некая форма разумной межзвездной жизни. В любом случае – что мы могли сделать? Прекратить попытки помочь иным видам? Мы оплакали своих друзей и продолжили

работу. Но мы следили за космосом. Мы посылали зонды во все стороны. Мы готовились. И когда катастрофы на планетах приняли аномальный характер – немедленно отреагировали.

– То есть та цепочка конфликтов, которая нас сюда привела, и вас насторожила. Она может быть вызвана еще одним кораблем Стирателей? – спросил Валентин.

– Крайне маловероятно. Но возможно.

Матиас вежливо кашлянул, привстал и спросил:

– А что же вы нам мозги пудрили в своей прошлой ипостаси, Прима? К чему эти рассуждения о туземцах, создавших машину времени и прочий вздор?

– У нас и сейчас нет никаких доказательств, – сказала Прима. – Новый корабль Стирателей был лишь версией.

– Но что-то же вас теперь смущает? – сказал Матиас. – А? Вы упорно твердите, что цивилизации убивают себя в силу всякого рода психологических причин. Но теперь вдруг рассказываете нам свои тайны. Что стряслось?

– Соргос, – ответила Прима. – Ваши действия оттянули войну, но она все-таки произошла.

– Да твою ж мать! – воскликнул Матиас, взмахнул рукой и сел. Он был по-настоящему расстроен.

– Более того, возможно, что война началась из-за вмешательства третьей силы. Впервые наш зонд зафиксировал реальное воздействие – удар ядерной боеголовки из пустого сектора космоса.

– Данные точны? – нахмурился Горчаков.

– Не абсолютно, – признала Прима. – Возможно, что зонд пропустил пуск ракеты с территории соседнего государства и зафиксировал боеголовку лишь в момент включения двигателей. Но подобное оружие, с активным наведением и развитой технологией невидимости, для Соргоса слишком технологично.

– Что было дальше?

– Мы не знаем. Зонд сразу же ушел из этой точки пространства и вернулся на Ракс – таков стандартный порядок. Возможно, что первый удар нанес корабль Стирателей. Допустим, что вначале он провел коррекцию реальности, которая должна была привести к войне. Но ваше вмешательство ее предотвратило. Тогда корабль использовал более грубый метод. Можно предположить и появление корабля другого разумного вида, пользующегося прямыми технологиями воздействия. Нельзя до конца отрицать и прорывные технологии одной из сторон конфликта на Соргосе.

– Можете их спасти? – спросил Валентин. – Жалко ведь, хорошие ребята, хоть и с копытами.

– Пока не можем, потому что на их орбите корабль Невара. Вмешательство в реальность Соргоса затронет Невар. Все пойдет под откос. Опять же, если ситуация не стала совсем уж критической, если все закончится после нескольких ядерных взрывов – лучше не вмешиваться. Цивилизация способна зализать мелкие раны.

– Хорошо, чего же вы хотите? – продолжил Валентин.

– Я прошу вас отправиться в систему Невар. Оценить размер катастрофы. Выйти на контакт с кораблем Соргоса, принять их в члены Соглашения и отправиться назад вместе с ними. Если ситуация совсем критическая, мы попробуем исправить случившееся, пока вы будете вне нашей реальности.

– Звучит разумно. В чем подвох? – спросил командир.

– Если там корабль Стирателей или иная разумная сила – вы будете под угрозой. И не только вы лично. Если вас просто взорвут – полбеды. А вот если сотрут из реальности – затронет и ваши миры, в первую очередь Землю. Конечно, мы откатим ситуацию. К примеру – уни-

чтожим «Твена» заранее, по пути к Соргосу. Но небольшая вероятность фатальных последствий все же есть.

Наступила тишина.

– Если бы вы сразу сообщили Соглашению о том, что делаете... – произнес Валентин.

– Сообщили пяти разумным видам, что их развитие, их дружелюбие – искусственно? Что они сотни раз убивали себя? Что их история – ложь, результат наших манипуляций?

– Нам же вы сказали, – негромко заметил Матиас.

– Вынужденно и в силу пережитых вами испытаний. Ракс спрашивает – рискнете ли вы отправиться к Соргосу?

И тут внезапно рассмеялась Ксения.

– Третья-вовне? – с недоумением спросила Прима.

– Сестра... прости, но это очень смешно... – Третья-вовне поднялась, оглядела экипаж и ученых. Когда ее взгляд скользнул по Тедди, у того сладко заныло в груди, и он крепко сжал ладонь Лючии, каким-то образом оказавшуюся в его ладони. – Неужели ты думаешь, что они откажутся? Я не рискну судить за Халл и Феол... но люди... – улыбка Ксении стала чуть грустной. – Ну неужели ты хоть на секунду допускаешь, что они не бросятся в самое безрассудное путешествие, лишь бы иметь возможность увидеть корабль Стирателей, спасти Соргос и доказать, что у них есть яйца?

– Но-но! – воскликнул Уолр, вставая. – Из всех присутствующих яйца откладывает только мой вид!

Халл встряхнулся, шерсть на нем встала дыбом, он теперь напоминал не крота, а, скорее, медведя.

– Если там есть те, кто разлучил нас с братьями, – я хотел бы поквитаться с ними.

– А я, как созерцатель агрессии, просто не могу отказаться от такого шанса, – произнес Двести шесть – пять.

– Разумеется, отправляюсь и я, – сказала Ксения и посерьезнела. – Мой цикл краток и мое исчезновение из реальности не нанесет серьезного вреда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.